

СВР: Марина Чернышева

Чингиз Абдуллаев

Инстинкт женщины

«PEN-клуб»

Абдуллаев Ч. А.

Инстинкт женщины / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», — (СВР: Марина Чернышева)

Что чувствует человек перед смертью? Страх, ненависть к тому, кто может убить его в любую минуту? Марина не испытывала ничего. Она просто шла за ним в машину... Полковник внешней разведки Марина Чернышева проявила чудеса изобретательности, недюжинный ум и выдержку, чтобы внедриться в те сферы, где решается судьба страны. В качестве личного секретаря-референта она завоевала доверие одного из самых могущественных олигархов России. Теперь же в руках Валентина Рашковского не только один из крупнейших капиталов мира, не только рычаги управления, мафиозными структурами, но и жизнь разоблаченного агента... Книга также выходила под названием «Дамы сохраняют неподвижность».

© Абдуллаев Ч. А.

© PEN-клуб

Содержание

Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Чингиз Абдуллаев

Инстинкт женщины

*...ибо если кто будет делать эти мерзости, то души делающих
это истреблены будут из народа своего.
Левит, XVIII, 29*

...Они сидели друг против друга. Один задал вопрос и ждал ответа. Другой ждал, когда тот, кто пригласил его на эту встречу, наконец назовет имя человека, которого приговорил к смерти. Первый готов был заплатить сумму, о которой второй мог только мечтать. Кто же эта жертва, за которую назначена такая уйма деньжищ?

Но первый медлил. Он словно решал, как ему поступить, ведь после того, как он произнесет имя, отступление уже невозможно. И он медлил, представляя себе реакцию собеседника. Кроме того, он хорошо представлял себе все последствия своего решения.

– Какой срок ты можешь гарантировать? – спросил, все еще колеблясь, первый.

– Это зависит от того, чье имя вы назовете. Если обычный чиновник или банкир, его можно убрать за несколько дней. Если политик, чуть дольше.

– Нет-нет, это не политик. И не просто банкир. У него серьезная охрана.

– Большая?

– Да. Очень большая и хорошо обученная.

– Надеюсь, вы не имеете в виду президента страны или премьер-министра? – позволил себе пошутить исполнитель.

– Нет, – без тени улыбки ответил заказчик, – их убрать гораздо проще, они постоянно на виду.

– Назовите имя. Все равно я должен его узнать.

– А я должен знать, что ты согласен.

– Раз я сюда приехал, значит, согласен выполнить любой заказ.

– Это не любой. Это очень непростой заказ.

– Тогда, в конце концов, назовите мне имя.

Заказчик достал из кармана фотографию. Протянул исполнителю. Тот с улыбкой взял фотографию, взглянул на изображение человека, стоящего рядом с его собеседником, и улыбка постепенно начала сползать с его лица. Он изумленно взглянул на заказчика.

– Не может быть, – сказал он растерянно, – ведь это...

– Ты его узнал?

– Но это сам Валентин Давидович Рашковский, – шепотом произнес исполнитель, невольно оглядываясь.

Заказчик быстро взял у него фотографию и положил в карман. Он испытующе смотрел на собеседника, словно решая, можно ли было вообще доверять ему такую тайну.

– Но как вы можете? Вы же с ним... Он ведь ваш друг... Все говорят, что вы его самый верный человек.

– Французы говорят: «Предают только свои». Слышал такое выражение?

– Да, конечно, слышал. Но вообще-то... это невозможно.

– Ты не согласен?

– Я не думал, что это он.

– Ты согласен или нет?

– Убрать Рашковского, – задумчиво сказал исполнитель, – это очень сложно. Вы знаете, как это сложно? Это невозможно.

– Знаю, – сурово ответил друг приговоренного. – Именно поэтому я и обратился к тебе. Его нужно немедленно убрать.

– Все говорили, что он ваш ближайший друг, – твердил ошарашенный исполнитель. – Я думал – вы пришли по его поручению...

– И поэтому решил предложить тебе убрать его? – с иронией спросил заказчик.

– Не понимаю все же, – выдохнул исполнитель, – как вы можете?..

– Я задал тебе вопрос, – не повышая голоса и не раздражаясь, сказал заказчик, – мне нужно знать твое решение.

– Не знаю... Не знаю, что и сказать.

– Ты отказываешься?

– Да я не понимаю только... Нет, но почему?..

– Это не имеет отношения к нашей беседе. Я тебе все равно больше ничего не скажу. Ты ведь понимаешь, что и у меня есть конкретные заказчики, готовые заплатить любые деньги за его устранение.

– Как это – «любые»?

– Ты можешь сам назвать сумму своего гонорара. Если, конечно, согласен.

– Не знаю. Я не думал...

– До свидания, – друг приговоренного решительно встал.

– Подождите. Я должен еще немного подумать. Это так неожиданно.

– У нас нет времени. Либо ты согласен, либо – нет.

– Вам придется увеличить мой гонорар, – как бы неожиданно для себя проговорил будущий убийца, ощупывая свое лицо ладонью, словно сомневаясь в реальности происходящего, – это гораздо труднее, чем убрать обычного политика. Мне понадобится время.

– Так ты согласен? – теряя терпение, спросил заказчик своего собеседника.

– Согласен, если вы увеличите мне гонорар. Да, я согласен, – сказал он более решительным тоном.

– Насколько ты хочешь увеличить сумму гонорара?

– В три раза! – Если речь зашла о таких деньгах, дело принимало другой оборот. – В три раза, – повторил он решительно. – Это очень опасно.

– В три? – переспросил заказчик. – В этом случае ты не сомневаешься в возможности его убрать?

– В этом – не сомневаюсь.

– Хорошо, – согласился друг приговоренного, – если все пройдет нормально, твой гонорар будет увеличен в три раза.

Это были неслыханные, невероятно огромные деньги. Никогда и никто не платил ему таких денег. Исполнитель облизнул губы и посмотрел на заказчика.

– Вы действительно заплатите мне в три раза больше? – решил уточнить он.

– Ты, значит, решился? – снова переспросил заказчик. – Не будешь больше колебаться?

– Нет, – выдохнул исполнитель, – за такие деньги я согласен на все. И на каждого.

– Завтра получишь аванс, – сообщил печальным голосом друг приговоренного, словно страдая от того, что его собеседник согласился. – Завтра получишь аванс, и больше мы с тобой никогда не увидимся. Ни до, ни после. Деньги получишь обычным путем. Как и аванс. Договорились?

– Да, – твердо сказал киллер, – я все понял. До свидания.

Он поднялся, взглянул на все еще сидевшего заказчика. Ему очень хотелось узнать, почему было принято такое решение и кто готов заплатить такие невероятные деньги. Но он знал: глупо задавать лишние вопросы, все равно ответов он не получит. Он сделал движение плечом, словно пытаясь протянуть правую руку. Но вовремя передумал. И, повернувшись, вышел.

Оставшийся дождался, когда уйдет киллер, и целую минуту просидел молча, осмысливая состоявшийся разговор. Грустное, меланхоличное выражение так и не сошло с его лица. Затем он тяжело вздохнул и достал телефонный аппарат, набрал нужный ему номер.

– Я вам перезвоню из автомата, – сообщил он собеседнику.

Затем, тяжело поднявшись, преодолел пространство комнаты, коридора, холла и вышел на улицу. Автомобиль стоял у перехода. Водитель терпеливо ждал, когда подойдет хозяин. Но тот свернул в переулок к телефонам-автоматам, установленным здесь совсем недавно. Он достал жетон, оглянулся по сторонам и набрал номер. Когда ему ответили, еще раз осмотрелся и начал разговор:

– Он согласился. Согласился на мое предложение.

– Сколько попросил?

– Втрое больше.

– Втрое? – уточнил собеседник. – Каков мерзавец! За такие деньги, значит, он готов...

– Да, готов. Немного посомневался, но потом достаточно быстро согласился. Мне даже не пришлось особенно уговаривать.

Друг приговоренного звонил Валентину Рашковскому. Именно по поводу его убийства шел торг несколько минут назад.

– Он согласился, – еще раз подтвердил позвонивший.

– Все равно дешево, – хохотнул Рашковский, – значит, согласился? Даже не очень колеблясь?

– Я же тебе говорил. За деньги он готов предать и родную мать. Почти так и сказал. Я ему никогда не доверял. Сразу согласился, только удивился, что именно я сделал ему такое предложение. Говорил, что мы с тобой друзья и он не понимает, как я мог делать ему такое предложение. Я даже испугался, что он начнет подозревать. Но, похоже, он слабый психолог. Привык, что все вокруг предают и все предается.

– Свинья, – резюмировал Рашковский. – Думаешь, он мне не позвонит, чтобы рассказать о твоём предложении? Думаешь, не захочет предупредить, что ты предлагал ему деньги за это?

– Нет, не позвонит. И не предупредит, можешь даже не сомневаться. Сколько нам ждать?

– Дай ему день, пусть подумает, – разрешил Рашковский, – но только один день.

– Я все понял. До свидания.

– Подожди. Он действительно не колебался?

– Сначала немного сомневался. Но когда услышал о предстоящем гонораре, забыл обо всем на свете.

– Деньги портят людей. Даже самых надежных, – печально произнес Рашковский и положил трубку.

Больше не было сказано ни слова. Оба знали, что не стоит говорить лишнего даже по телефону-автомату. На следующий день в центре города взорвался автомобиль, в котором сидел несостоявшийся исполнитель, так неосторожно согласившийся на предложение заказчика. Он умер сразу, и бог знает, успел ли он понять, что произошло.

Часть первая Знакомство

Глава 1

Он смотрел на нее, как бы пытаясь оценить возможности этой женщины. Смотрел долго, не предлагая сесть. Обычно людей смущал взгляд, которым он одаривал своих подчиненных, – взгляд барышника на выставленную на торги лошадь. И это был оценивающий взгляд покупателя, а не мужчины. Но стоявшую перед ним женщину, похоже, его взгляд абсолютно не смущал. Она спокойно ожидала, позволяя ему осматривать ее с головы до ног. Мол, делай свое дело, если не умеешь иначе.

– Садитесь, – с явным опозданием предложил он.

Она села на стул. Высокого роста, короткие, тщательно уложенные волосы, чуть скуластое лицо, прямой ровный нос, красивые большие глаза, похожие на темные вишни, чувственный рот. Немного портил лицо женщины упрямый срез подбородка, придававший ей почти мужскую резкость.

– Вам не сказали про волосы? – недоуменно спросил хозяин кабинета.

– Сказали. Но у меня уже много лет такая прическа. Так я чувствую себя увереннее.

– Тем не менее вам придется изменить ее.

Она пожала плечами.

– Я думаю, это не самое сложное, что мне предстоит, – сказала она, глядя на своего собеседника.

– Наверное, вы правы, – согласился тот, – мне тоже не очень просто с вами разговаривать, полковник. Как я догадываюсь, вы уже давно служите в своем ведомстве?

– Давно, – она не позволила себе улыбнуться, – иногда мне кажется, что я даже там и родилась. Настолько все привычно.

– Мне прислали ваш послужной список. Конечно, то, что можно было прислать. Ваше ведомство всегда отличалось особой таинственностью. Вы будете смеяться, но я впервые вижу перед собой полковника разведки. Да к тому же сравнительно молодую красивую женщину.

– Не могу вернуть вам комплимент, генерал, – на этот раз улыбнулась женщина. – Я в отличие от вас иногда встречалась со столь высоким милицейским начальством. Хотя с генералом милиции тоже беседую первый раз в жизни. В основном мои встречи – это гаишники на улице.

– Вот и прекрасно. Давайте теперь знакомиться по-настоящему. В ближайшие несколько месяцев мы будем работать вместе. Сколько вам лет?

– Там все написано.

– Нет, я не про это. Мне уже за пятьдесят, значит, я старше вас почти на десять лет. Вы разрешите мне называть вас Мариной?

– Пожалуйста. Собственно, я не думала, что здесь меня будут называть товарищ полковник. Или господин... я не знаю, как принято в милиции. Хотя, наверное, правильнее – гражданин полковник. Наверное, и мне нужно так обращаться к вам. Или это только для официального общения?

– Можете называть меня по имени-отчеству, – сухо заметил генерал, – мне кажется, вы не очень любите нашего брата.

– Я же говорю, что с милицией общалась только через гаишников, а они оставляют всегда двойственное впечатление. С одной стороны, их, конечно, жалко: стоят на улице, мерзнут, подставляют себя под пули и ножи. А с другой... Вы действительно не знаете, как их называют?

– Я в ГАИ никогда не работал, – нахмурился генерал. – А вы специально начинаете разговор с подобных заходов?

– Нет, – улыбнулась она, – просто вы слишком долго меня рассматривали. А мой метод изучения человека коварен – немного разозлить его, чтобы проверить реакцию. – Она хитро улыбнулась. – Игорь Николаевич, так я жду ваших дальнейших вопросов.

– А вы еще и злопамятны, – недовольно заметил генерал.

– Скорее наблюдательная.

– Вы знаете, зачем мы вас пригласили?

– Примерно. Мне объяснили, что вы готовите секретную операцию и ваши психологи дали установку на поиск женщины сорока двух – сорок пяти лет, обладающей устойчивым сильным характером и некоторым сходством со мной. Верно?

– Правильно. Но только два дополнения. Подобную установку дали ваши психологи. И операция, которую мы собираемся проводить, будет совместной для двух спецслужб – МВД и разведки.

– Об этом мне тоже успели доложить. Один из моих сотрудников говорил с вашим заместителем.

– Черт возьми, – пробормотал Игорь Николаевич, – никак не привыкну к вашему званию. И к вашей должности. Честно говоря, я был категорически против подобной кандидатуры на проведение операции. Это все равно как если бы мы поручили нашему министру внутренних дел бегать по улицам за обычными карманниками.

– Ради обычного карманника вы не стали бы планировать подобную операцию, – возразила она, – поэтому давайте без лишних слов. Очевидно, операция слишком важна для вашего ведомства, если вы решились обратиться к нам за помощью. Итак, я вас слушаю, Игорь Николаевич.

– Да, конечно, конечно, вы правы, – кивнул генерал. – Все дело в том, что мой отдел занимается проблемами нелегалов. То есть сотрудников милиции, внедренных в разного рода преступные группировки и в исправительно-трудовые заведения, проще говоря – колонии. Обычно мы вербуем агентуру из числа самих заключенных, но в исключительных случаях действуют и наши нелегалы. Если хотите, это немного роднит их с вашими сотрудниками. Только ваши сотрудники в случае провала получают открытый суд, адвокатов, защиту посольства и даже привилегированную тюрьму, а наши нелегалы, если их не дай бог раскроют, сразу получают нож в бок или пулю в рот. И это в самом лучшем случае.

Он помолчал, давая возможность оценить сказанное. Но она никак не прокомментировала слова генерала. Просто молча смотрела на него.

– Вы меня поняли? – несколько нервно спросил генерал.

– Я не собираюсь подставлять свой бок под нож подонка, – жестко отреагировала она на его слова, – поэтому вы можете продолжать, я вас слушаю.

– Операция, которую мы планируем в общем-то давно, связана с одним человеком. Это довольно известная в нашей стране личность, более того – известная и на Западе. Мы полагаем, что он связан с криминальными структурами, очень плотно связан, и имеет выходы не только на наши преступные группировки, но и на международные такого же толка синдикаты. Более того, наши эксперты, просчитав кривую его «роста», полагают, что уже в ближайшее время этот человек станет негласным королем российского преступного мира. Или уже стал. Своего рода высшим криминальным *авторитетом*. В «Коза ностра» таких руководителей называют «капо ди тутти капи», это высший пост в иерархии мафии. У нас он просто будет признан высшим *арбитром* без всякого официального титула. Хотя одно звание у него будет – «верховный

судья». Некоронованный король российской мафии, которая успешно закрепляется сегодня в Европе и в мире. И не только российской, – подумав, добавил генерал. – Мы уже два года пытаемся внедрить в его окружение нашего человека, – продолжал он. – Обычные оперативные действия не приносят результатов. Некоторую часть времени он проводит за рубежом, где нам крайне трудно работать и тем более – к нему подобраться. Мы же не можем наладить прослушивание в лучших отелях мира, где он обычно останавливается. А в Москве этот господин работает в своем офисе, который оборудован на уровне секретной лаборатории ЦРУ. Специальные генераторы шумов, исключающие возможность подслушивания, новейшее оборудование, которого нет даже у нас в министерстве. И прочее. Начальник его службы безопасности, к слову сказать, бывший генерал КГБ, один из руководителей шестнадцатого управления. Вот так-то!

Она помнила, чем занималось шестнадцатое управление – радиоперехват и электронная разведка. Там работали лучшие специалисты, собранные из ведущих научно-исследовательских институтов страны.

– Генерал Фомичев, возможно, вы его помните, – сообщил Игорь Николаевич. – Единственный способ как-то проконтролировать деятельность интересующего нас господина – попытаться внедрить в его окружение нашего человека. В его ближайшее окружение, самое ближайшее, – чуть повысил голос генерал, оттеняя ключевой момент.

– И вы решили, что таким человеком должна стать я? – напрямую спросила она.

– Не мы, а психологи. Наша служба наблюдения обратила внимание на его несколько необычное поведение с дамами. Ему не очень нравятся молодые девушки, можно даже сказать, что он их всячески избегает. Больше ему импонируют сильные, уверенные в себе женщины, простите, бальзаковского возраста – в районе сорока. Психологи считают, что тут сказывается его детство. В возрасте семи лет он лишился отца. Тот был довольно крупной фигурой в торговле, и его арестовали за хищение в особо крупных размерах. Девять лет мальчик рос без отца, только с матерью. Эта энергичная женщина сумела не только самостоятельно вырастить сына, но и повлиять на его характер. В дальнейшем ему всегда нравились женщины значительно старше его по возрасту. В первый раз он женился в двадцать четыре года. Жене было двадцать, и брак распался через полтора года. От этого брака у него осталась дочь. Второй раз он женился восемь лет назад. На этот раз на женщине, которая была старше на три года. Они женаты до сих пор.

– Ничего удивительного. Я где-то читала, что подобные браки самые крепкие в мире. Когда женщина чуть старше мужчины.

– Сейчас ему сорок два года, – продолжал генерал, – и он ищет себе личного секретаря. Прежняя ушла от него, не выдержав суровых режимов работы. Он мотался по всему миру, а она ненавидела самолеты. Попросту боялась летать. В общем, она уволилась. Ей было сорок четыре года. Кандидат филологических наук, бывший доцент МГУ. Вам интересно посмотреть на ее фотографию?

– А как вы думаете?

Он достал из стола фотографию и протянул ее Марине. Та взяла снимок и удивленно посмотрела на генерала.

– Не правда ли, похожа? Это тип женщины, который ему нравится. Не скрою, мы не смогли установить степень близости в их отношениях. Но допускаем, что они были близки, весьма близки. Он достаточно сильный, независимый и богатый человек. Но для полного комфорта ему нужна рядом именно такая женщина – надежный советчик, друг, называйте как хотите.

– А где его жена?

– Она живет в Англии. Вместе с их сыном. У них там дом. Иногда к ним приезжает и его дочь от первого брака. Ей уже семнадцать. Она учится в Швейцарии, в частной школе.

– Я начинаю догадываться. Вы хотите подставить меня, чтобы он решил все свои проблемы?

– Мне не нравится термин «подставить». И честно говоря, я не в восторге, что подобную работу могут поручить вам. Но есть целый ряд причин, по которым мы не можем привлечь кого-нибудь другого. Во-первых, у нас просто нет подобной кандидатуры. Нужна не просто красивая женщина, а умная, волевая, достаточно независимая, смелая и, если хотите, ловкая. У нас есть красотки, из которых мы можем составить целую ударную дивизию. Есть сотрудницы, которые могли бы при других обстоятельствах достаточно квалифицированно провести подобную операцию. Но тут ведь нужен определенный тип женщины... К тому же вы ведь еще и кандидат психологических наук. Нам известна ваша диссертация на тему психологии личности в экстремальных обстоятельствах. Мы как раз искали в МГУ подходящую кандидатуру, когда вышли на вас. Тогда мы даже не подозревали, чем вы занимаетесь. В ваших научных документах был указан какой-то закрытый институт. С немалыми усилиями вышли на вас. Представьте себе мое состояние, когда я узнал, что единственная подходящая нам кандидатура – полковник Службы внешней разведки. Казалось бы – самый лучший шанс.

Но я уже тогда понимал все сложности. Представляете, как трудно было убедить ваше руководство прикомандировать такого сотрудника, как вы, к нашему ведомству. Полагаю, вам будет небезынтересно знать, что мы подключили даже нашего министра. И только для того, чтобы получить разрешение на этот наш разговор. Вы нам очень нужны, полковник Чернышева. Очень.

– У меня три вопроса, после честного ответа на которые я могу принять ваше предложение. Первый: почему именно я? Только не говорите, что я на кого-то похожа. Это несерьезно. При сегодняшнем уровне пластической хирургии подобрать нужного человека не проблема. И не говорите про мою подготовку. Я думаю, что у вас есть достаточно подготовленные люди. Итак, почему именно я?

– Вы правы... Есть еще обстоятельства. Вы защищались на кафедре, где старшим преподавателем работает его родная тетка, сестра его матери. Она может вас рекомендовать своему племяннику.

– Елизавета Алексеевна?

– Да. Это двоюродная сестра его матери. Она до сих пор считает, что вы загубили свой талант, отказавшись от докторской диссертации. Мы ее осторожно прощупали: она по-прежнему убеждена, что вы трудитесь в научно-исследовательском институте. Для нас важно, что вас, в вашем качестве, никто не знает в Москве, уж точно – среди нашего контингента. Не считая, конечно, сотрудников ГАИ, – не удержался от сарказма генерал.

– Хорошо, – она оценила его ответ. – Вы ответили на мой первый вопрос. Второй вопрос. Как вы думаете, сколько времени может занять подобная операция? Только не говорите мне, что два или три месяца. Я вам все равно не поверю.

– Полгода минимум. – Генералу не хотелось врать. Он смотрел в глаза женщины и понимал, что лгать просто нельзя.

– И наконец, самый важный вопрос: кто этот человек?

Генерал молча открыл папку, лежавшую перед ним, и протянул фотографию.

– Узнали?

– Рашковский? – изумленно спросила она. – Это Валентин Рашковский?

– Да, – кивнул генерал, – это он. По свидетельству западных источников, один из самых богатых людей в нашей стране.

– Я думала, он бизнесмен. Или политик. – Она вернула фотографию.

– И политик тоже. Одновременно он и удачливый коммерсант, очень удачливый. И кое-что еще. В общем – достаточно интересный человек.

– Интересный для кого? – уточнила она.

Генерал явно смутился. Он медлил с ответом, решая, как лучше выйти из затруднительного положения.

– Он представляет интерес для оперативной разработки, – нашел он подходящий ответ и подвинул к себе другую папку. – Судя по вашему делу, которое нам дали с таким трудом и из которого вытащили девять десятых всего объема, вы владеете английским и испанским языками, неоднократно бывали в командировках за рубежом. Я до сих пор не верю, что нам удалось найти такую блистательную кандидатуру. Неужели вы этого не понимаете?

– Я владею еще и французским, – сухо сообщила она, – а кто, кроме нас двоих, будет знать об операции?

– Никто. Некоторые подробности еще будет знать ваш связной. Больше никто. Еще несколько человек в курсе, что вы к нам прикомандированы. Но сути дела мы им не сообщали. Даже наш министр, который ходатайствовал перед вашей службой, тоже не посвящен.

– Ясно. Вы планируете, значит, вывести меня на вашего подопечного через его родственницу?

– Не только. Но она будет одним из важных элементов разработки нашей операции.

– Меня рекомендуют его личным секретарем?

– Да. Он до сих пор говорит по-английски с некоторым затруднением. Вам придется сопровождать его в зарубежных командировках.

– Вы можете ответить мне еще на один вопрос? Только предельно искренне.

– Конечно, – удивился генерал, – что вас интересует?

– Я должна буду с ним спать?

Генерал дернулся. Ему явно не понравился вопрос.

– Я же вам сказал, что мы не смогли узнать характера его отношений с бывшим секретарем, – несколько раздраженно сказал он, – вы можете с ней поговорить, если хотите. Но только после того, как он согласится взять вас на работу. Если они были близки, возможно, вы это почувствуете. Но я не знаю. И не думайте, что мы собираемся использовать вас в этом качестве. Он просто не тот человек, который будет выбалтывать свои секреты в постели. Достаточно, если вы просто будете его секретарем. Мне казалось, что в вашем возрасте все эти амурные истории уже не так важны.

– У меня пока нет климакса, генерал, и я вполне нормальная женщина, – сказала она, глядя ему в глаза, – не нужно говорить о моем возрасте.

– Даже слишком нормальная, – пробормотал чуть покрасневший генерал, – извините меня. Я, кажется, неточно выразился. – Помолчав немного, он спросил: – У вас есть друг? В ваших документах написано, что вы не замужем, но у вас есть сын.

– Друг есть. Мужа нет. Хотя полагаю, что и мой друг будет очень недоволен, если я попытаюсь объяснить ему детали нашей операции.

– Мне трудно понять, когда вы говорите серьезно, а когда шутите, – признался генерал, – но теперь вы все знаете. Конечно, вы по большому счету вправе отказаться, но мы не успеем в нужные сроки найти сколько-нибудь подходящую кандидатуру. Вы наш уникальный шанс, единственная возможность. Наши аналитики уже разработали несколько вариантов... и мы надеемся, что вы не откажетесь, полковник Чернышева.

– У меня есть право выбора?

– Думаю, теперь это очень сложно. После того, как я показал вам фотографию... Согласитесь, я не могу всем рассказывать о столь секретной операции ради приятной беседы, даже если собеседник – полковник разведки, – добавил он, заметив злой огонек в ее темных глазах.

– Хорошо, – кивнула Чернышева, – я постараюсь доказать, что умею работать, а не просто вести приятную беседу. Или у вас в запасе есть еще какие-нибудь соображения?

Генерал развел руками:

– Я могу только радоваться, что мы будем сотрудничать с таким опытным специалистом... И красивой женщиной, – поспешно добавил он, негодуя на себя за замедленную реакцию.

Глава 2

Он помнил этот день во всех подробностях. И хотя прошло много лет, события именно этого дня каким-то непостижимым образом отложились в его памяти. Все началось утром, с перешептывания родителей, когда отец довольно раздраженно советовал матери заткнуться и не лезть в его дела. Затем снова горячий шепот матери, доносившийся из спальни. И громкий крик отца:

– Я ему покажу, как снимать меня с работы! Я отправлю письмо са-мо-му.

– Они тебя найдут, – голос матери тоже повысился, чувствовалось, как она волнуется.

– Нет, – упрямо повторял отец, – одень мальчика, мы пойдем вместе с ним.

– Но он еще не завтракал, – мать пыталась отстоять сына, уже понимая, зачем он понадобился.

– Быстрее! – заорал отец.

Почти тут же мать вышла из спальни, и ее теплые проворные руки достали его из кровати. Потом его быстро одевают и – ура! – не заставляют есть на завтрак постылую манную кашу. Отец берет его в свой автомобиль, сажает, как взрослого, на переднее сиденье, рядом с собой, и они уезжают в отцовской роскошной машине, которой завидовали все соседские мальчишки.

Ни у кого в доме не было такой машины. И не только в доме, но и во всем Тбилиси. Его отец был директором самого крупного в городе универмага, и при встрече с ним уважительно здоровались не только обычные люди – учителя, врачи, соседи, знакомые, но и сам генерал, живущий в третьем подъезде. Директор универмага Давид Рашковский был потомком польских колонистов, которые появились в Закавказье еще в середине прошлого века. Именно тогда на Кавказ стали ссылать польских бунтовщиков, и они оседали на этих землях. Отец Давида – Яцек Рашковский приехал в Тбилиси еще мальчиком и вырос в этом городе, ставшем для него родным. Здесь он встретил и свою любовь – Нину Дадияни, девушку из известного мингрельского рода, проживавшую в Тбилиси со своей семьей. Отец Нины долго возражал против встречи своей дочери с сыном никому не известного бунтовщика, к тому же человека другого народа. Но и он сдался, когда узнал, что княжеский род Рашковских насчитывал несколько поколений именитых шляхтичей.

Отец Нины мог быть доволен. Княжеская фамилия Дадияни в этом случае сохраняла свое достоинство. По большому счету Дадияни были даже не княжеским, а царским родом. Отец девушки скрепя сердце дал согласие на брак своей дочери с поляком, человеком католической веры. Потом родился внук Давид, которого они все так полюбили. Но это было уже во времена безбожной власти, которую отец Нины не пережил. Его расстреляли в тридцать седьмом.

Давид был известным человеком в городе не только потому, что все знали его княжескую родословную по матери и по отцу. Закончив торговый техникум, а затем и экономический институт, Давид быстро пошел в гору, став одним из самых уважаемых людей в городе, директором крупного универмага. Неприятности у него начались, когда в район, где находился универмаг, пришел новый первый секретарь райкома – Автандил Джогадзе. С первого дня секретарь повел настоящую войну против самого известного человека в районе. Автандил был честным человеком, и это сыграло с ним злую шутку. Очень честные люди часто бывают недалекими и глупыми, если честность является проявлением не их моральных качеств, а обычной глупости или никчемности. Таким был и Автандил. Не способный ничего сотворить или построить, решить какой-нибудь стоящий вопрос, он был воплощением серой бездарности, пусть честного, но лишённого ума человека. Такие убеждены, что все вокруг воруют и обманывают исключительно в силу своих дурных природных наклонностей, а он выбран богом для кары престоупающим закон, осмелившимся поправить моральные принципы.

Самыми большими святошами обычно бывают несостоявшиеся грешники. Самые лицемерные ханжи – это неспособные на блуд импотенты. Самые строгие моралисты – это никчемные приспособленцы. Бывают исключения, когда высокий дух возносит человека на недостижимую моральную высоту. Но это, увы, редкие исключения из общих правил.

Автандил видел свое предназначение в том, чтобы убрать позорное «клеймо» с района, уничтожить позорящего всех честных граждан директора универмага Давида Рашковского. Война велась на полное уничтожение. И поэтому в этот день отец встал так рано, чтобы выехать с сыном за город. Они довольно долго ехали, пока наконец не добрались до крупного поселка, где в самом центре находился небольшой универмаг. Конечно, не такой, как у отца, но довольно приличный. Отец вышел из машины, взяв сына за руку. Потом он довольно долго, с юмором рассказывал тамошнему директору длинную смешную историю. И они долго смеялись над этой историей, которая, очевидно, случилась в действительности. И перед самым отъездом отец почему-то соврал, попросив принести ему новую печатную машинку, мол, в его универмаге они кончились, а он хочет купить ее для жены. Сын уже готов был вступить в разговор, ему не терпелось сообщить, что мама была как раз против этой поездки, и, когда дядя директор вышел из кабинета, чтобы лично выполнить просьбу уважаемого гостя, мальчик заявил об этом отцу, и очень громко, не учтя, что их слушает молодая секретарша, которая сидела в приемной.

И здесь происходит неожиданное. Всегда добрая отцовская рука вдруг больно и резко дергает его за ухо, и отец кричит, что он себя плохо ведет все утро. Подобная несправедливость больше любого наказания, и мальчик долго молчит, даже когда печатная машинка уже уложена в машину и отец расплачивается за нее с заведующим.

Они едут назад, и всю дорогу повеселевший отец рассказывает смешные истории, пытаясь задобрить сына, и даже останавливается у другого магазина, чтобы выбрать ему машинку и купить мороженое, которое запрещает есть мама. Мальчик не может понять, что происходит с отцом, чем вызвана столь стремительная смена его настроений.

И только приехав домой, он слышит, как отец восторженно показывает жене печатную машинку. И долго объясняет ей, как он обманул неизвестного директора, пообещав ему показать эту печатную машинку своей супруге. Сын так и не понимает, в чем состоит обман, ведь отец на его глазах уплатил деньги за эту машинку. Только став взрослее, он понял, в чем было дело и каков был замысел отца. Мать тоже сразу не может понять, для чего нужна чужая печатная машинка в их доме, и отец снова терпеливо объясняет, что все машинки находятся под контролем непонятого КГБ. Непонятого и оттого более страшного. Он приглушенным голосом объясняет матери, что, как только он напечатает на машинке какую-то непонятную «анонимку», он сразу вернет печатную машинку обратно в магазин, объяснив там, что она не понравилась его жене. Машинка будет продана другому лицу, и никто никогда не сможет узнать – кто именно написал эту анонимку на конкретной печатной машинке. Он еще объясняет матери, что все печатные машинки находятся на строгом учете и невозможно найти чужую машинку, о которой бы не узнали в непонятных органах или в еще более непонятном райкоме.

Пораженная его выдумкой, мать уходит в комнату сына и почему-то тихо плачет. И только позже, когда отец уезжает вернуть якобы не понравившуюся машинку, она крепко обнимает сына, по-прежнему ничего не объясняя. Только спустя много лет он поймет, что именно сделал отец. Ведь покупка не была зафиксирована в магазине, деньги отцу вернули, и машинка могла быть продана кому угодно, в том числе и вышестоящему начальству.

Такие уроки запоминались надолго. Автандила сняли с работы через месяц после проверки поступившего сигнала в горком партии. В этот день отец устроил большое угощение, пригласив весь дом. Пили за здоровье отца, тосты следовали один за другим. Маленький Валентин запомнил все, что делал и говорил отец. И еще запомнился другой день, когда за отцом все-таки пришли. Автандила уже не было в районе, но его приказ проверить универмаг от подвала

до чердака компетентные органы выполнили. И после ревизии отца арестовали. Потом был суд, приговор и долгое детство с матерью вдвоем. Пока не вернулся отец... Через девять лет.

Он мотнул головой, отгоняя воспоминания. Чуть повернул голову налево, нажимая кнопку на аппарате связи со своим секретарем.

– Зайди ко мне, – приказал он.

Лида была не просто красивой девушкой. Она была настоящей топ-моделью. Если бы он разрешил ей выступать на конкурсе красоты, то она наверняка брала бы там призовые места. Но он не разрешал. И вопреки расхожему мнению, даже не спал со своим секретарем. У него не было на это ни времени, ни желания. Он уже успел уволить двух девушек, с которыми у него были интимные отношения – он успел убедиться, что эти де-ла только мешают нормальной работе. Очень мешают. Именно поэтому он запретил себе думать о Лиде. Тем более что такие женщины его почти не интересовали. Она была красивой, очень красивой и абсолютно холодной женщиной, которую, казалось, ничего не интересовало в жизни. Он знал, что у нее есть друг, которого она содержит. Знакомый тип альфонса. Но это было ее личное дело. С работой она справлялась безупречно, при этом никогда и ничего не рассказывала своему другу. Девочке было не обязательно знать, что магнитофоны установлены даже у нее дома и ее патрон может в свободное время слышать вздохи собственного секретаря в постели.

– Ты звонила в агентство? – спросил он у нее.

– Они обещали прислать список через полчаса, – кивнула Лида.

– Ты сказала, что список будет у меня на столе уже утром, – чуть повысил он голос. Она знала, что он не контролирует свои эмоции только в крайнем случае.

– Я им три раза звонила. Они извинялись и обещали прислать ровно к одиннадцати, – с испугом пояснила Лида.

– Хорошо, – кивнул он, отпуская секретаря, – вызови ко мне Кудлина. И ни с кем больше не соединяй.

– Вы просили напомнить насчет вашего звонка в Министерство финансов.

– Не нужно. Я позвоню после перерыва. Напомни мне еще раз после перерыва.

Она вышла из кабинета. Длинные ноги личного секретаря были символом успеха фирмы. Он недовольно посмотрел ей вслед. Слишком длинные ноги, подумал он. Слишком длинные. Может, нужно даже ее убрать в другое место.

Мягко открылась дверь в кабинет. Вошел Леонид Дмитриевич Кудлин.

Ему было под пятьдесят. Мягкие манеры ресторанный метрдотеля, вкрадчивая походка, тихий голос, плавные движения рук. Редкие рыжеватые волосы коротко пострижены. Мясистое лицо и большие уши делали его чем-то похожим на слона. По-своему этот человек был легендой семидесятых, когда по всему Советскому Союзу развернулось так называемое движение «цеховиков». Именно тогда Леонид Дмитриевич организовал настоящее подпольное производство в Закавказье и в Средней Азии. Власти беспощадно подавляли любые поползновения на организацию параллельной экономики и вместе с тем признавали, что производство, налаженное «цеховиками», гораздо эффективнее неповоротливой государственной экономики.

Кудлин несколько раз имел крупные неприятности с законом, дважды был судим. Но в первом случае он получил лишь условный срок, а во втором спасла амнистия. К концу восьмидесятых, когда было наконец разрешено кооперативное движение, Кудлин довольно скоро и быстро начал организовывать сеть кооперативов, но быстро понял, что на легальном производстве нельзя по-настоящему разбогатеть.

Можно заработать миллион долларов, можно, очень постаравшись, заработать два. Но чтобы стать действительно очень богатым человеком и получить возможность распоряжаться сотнями миллионов долларов, нужно присосаться к государственным структурам. Десятки и сотни миллионов куда проще украсть.

К началу девяностых сложилась уникальная ситуация в государстве, когда за кражу сигарет из табачного киоска могли посадить в тюрьму, а кражу десятков миллионов долларов, полученных в результате продажи дешевого сырья на Запад, только поощряли. Неслыханная прибыль образовывалась в результате несоответствия внутренних и внешних цен на энергоносители. Ничего придумывать было не нужно. Достаточно было получить разрешение на вывоз сырья за рубеж и открывать счета в разных банках мира, на которые регулярно начали поступать миллионы долларов. Именно тогда и началось сотрудничество Рашковского с Кудлиным.

После возвращения отца Валентин хотел поступить на юридический факультет. Но в Минске, куда они переехали, его не приняли, объяснив это неснятой судимостью отца. Отец воспринял эту весть болезненно, словно ему нанесли личное оскорбление. Юридический был заменен экономическим, а потом – защита диссертации в двадцать три года. Работал в подпольных цехах, которыми заправлял отец. К тому времени выяснилось, что они очень богатые люди. Пока отец сидел в тюрьме, ему шли проценты за его долю в цехах. Но компаньон, обязанный отдавать эти деньги семье Рашковского, решил их прикарманить. Последовало возмездие от корпорации – компаньона нашли убитым в Ташкенте. Перед убийством ему отрезали язык и вырвали глаза, что делали только с очень большими подлецами. А Давиду Рашковскому вернули все его деньги, и он купил двухэтажный дом в Минске, где они к этому времени обосновались.

Отец был умным предпринимателем, ловким и энергичным. С кооперативами он развернулся вовсю. А Рашковский-сын к тому времени уже был легальным советским миллионером. В восемьдесят девятом Валентин переехал в Москву и связал свою судьбу с Внешэкономбанком. В конце девяносто первого, когда старая власть рухнула, именно ему предложили возглавить внешнеэкономическое ведомство, занимавшееся выдачей лицензий на вывоз нефти за рубеж. Он был молод, ему едва исполнилось тридцать лет, но в то восторженное время это считалось несомненным достоинством. К нему под крыло ринулись десятки дельцов. И почти сразу приехал отец. Он довольно быстро объяснил сыну, что иметь дело с десятком людей, даже предлагавших миллионы долларов, значит погубить и свою репутацию, и свою жизнь. Следовало отобрать несколько надежных, самых надежных людей и через них вести свою деятельность. Одним из таких самых надежных оказался бывший компаньон отца – Леонид Дмитриевич Кудлин.

За два года работы Рашковского во внешнеэкономическом ведомстве они перекачали на Запад невероятное количество нефти и газа, играя на разнице старых советских цен в рублях и новых, настоящих, цен в долларах. Говорили, что теперь Кудлин «стоил» пятьдесят-семьдесят миллионов долларов. Сколько стоил сам Рашковский, не знал никто. Но цифра в миллиард долларов была более чем реальной. Распродажа бывшей империи была самым выгодным предприятием в истории человечества. Бессовестные молодые люди, случайно оказавшиеся во власти, разворовали и разграбили собственную страну, втоптав в грязь ее достоинство и величие. Миллиарды долларов осели на зарубежных счетах. Миллиарды долларов были разворованы. Миллиарды долларов тратились на казино, длинноногих девочек, наркотики, нехитрые удовольствия, которые могли дать деньги. Идолы были разбиты. Памятники сносили. Бога поминали всуе. Все заменил доллар. Дорвавшиеся до власти молодые проходимцы сделали все, чтобы превратить некогда великую страну в нищую приживалку.

В девяносто третьем Рашковскому пришлось уйти. Но к этому времени в Москве уже вовсю гремели выстрелы, и криминальные авторитеты сводили счета друг с другом. Именно тогда к Рашковскому съехались самые известные преступные авторитеты стран СНГ. И именно тогда он получил самое лестное в своей жизни предложение.

– Что у нас нового? – недовольно спросил Рашковский. – Я просил найти мне нового человека. Неужели так трудно подобрать одного нормального секретаря.

– Найдем, – вкрадчиво ответил Кудлин, – мы стараемся сделать так, чтобы тебе понравилось. – Они были знакомы много лет и говорили на «ты».

– Что у нас с Министерством финансов? – поинтересовался Рашковский.

– Центральный банк хочет отобрать лицензию у Перевалова. Минфин поддерживает это решение.

– Нужно объяснить им, чтобы не отбирали, – зло бросил Рашковский.

– Уже объяснили, – кивнул Кудлин, – завтра будет встреча в «Праге». Предупредить всех, как обычно?

– По полной программе, – кивнул Рашковский, – и не забудь позвать Перевалова. Он нам сейчас нужен.

Кудлин кивнул в знак согласия. Только он знал, кто именно сидел перед ним. Для всех остальных это был бывший правительственный чиновник, бывший ведущий сотрудник Внешэкономбанка, нынешний руководитель банка «Армада». Для посвященных – сын Давида Рашковского, одного из легендарных «цеховиков» брежневского периода, нужный человек, который заменил отца на посту «цехового судьи». И наконец, только для самых посвященных он был некоронованным королем российской мафии, своего рода вершителем судеб миллионов людей, вращающихся в сфере его интересов. Кудлин отметил у себя в блокноте фамилию Перевалова. Он знал, что от приглашений Рашковского не отказываются. Никто и никогда. Если не хотят получить вместо следующего приглашения пулю в голову.

Глава 3

Университетская атмосфера с ее суетой, смехом и шутками на ходу куда-то вечно спешащего молодого народа всегда радовала ее. Множество умных лиц, пытливых глаз – будущее нации – так думалось ей. А эти ребята чем-то напоминали ей и собственную молодость – период надежд, ожидания необыкновенного будущего И становилось немного грустно, когда ей уступали дорогу, прижимаясь к стенке. Она улыбалась милым девушкам и кивала вежливым парням. А как-то услышала за спиной восхищенный шепот мальчишек, обсуждавших достоинства ее фигуры. А что, приятно...

Она по-прежнему следила за своей фигурой, установив для себя строжайшую диету, и делала по утрам двадцатиминутную зарядку. Не пренебрегала и тренажерами, которые были установлены в их спортивном зале, понимая, как важно сохранять эластичность суставов. Никому не признаваясь, ходила к косметичке, делала маски, массажи. Кожа у нее была сухой, и она пользовалась увлажняющими кремами.

В университет приехала в новом костюме, который, она это знала, подчеркивал безупречные линии ее фигуры. Юбка чуть выше колен позволяла видеть ее красивые ноги, высокий каблук делал походку упругой, соблазнительной. Уже входя в деканат, она услышала за спиной:

– Идеальная женщина. Стиль и сдержанность – сочетание потрясающее.

Она обернулась. Парень смутился. Молодому человеку было года двадцать два. Очевидно, он уже заканчивал университет. Мягкие брюки светло-серого цвета, темно-синяя куртка, под которой была видна голубая блуза. Ей понравился открытый и вместе с тем чуть насмешливый взгляд этого молодого человека. Чем-то он напомнил ей сына, который улетел в прошлом году во Францию, на учебу в Сорбонну.

– Спасибо за комплимент, – улыбнулась она молодому нахалу, – как вас зовут?

– Андрей, – смущенно улыбнулся он, чуть покраснев, – извините, я не думал, что вы услышите.

– Ты говорил достаточно громко. – Она повернулась, чтобы войти в деканат, когда вдруг он спросил:

– А вас как зовут?

Это было странно. Даже интересно. Она подумала, что он наверняка моложе ее сына. И, повернувшись, ответила с улыбкой:

– Марина. Меня зовут Марина Владимировна.

– Очень приятно, – он действительно не терялся. Она пожала плечами и вошла в деканат.

Появление такой женщины не могло остаться незамеченным. Замотанный своими проблемами заместитель декана, увидев интересную женщину, вскочил со стула.

– Извините, вы Михаил Григорьевич? – начала Марина, хотя ошибиться было невозможно. Мешковатый пиджак, сидящий на тощем мужичке, словно на вешалке, несвежий галстук, чуть сдвинутый набок, заполошный взгляд – типичный трудоголик, на котором держится вся работа деканата.

– Вам звонили относительно меня, – улыбаясь, сказала женщина, – я хотела бы задать несколько вопросов.

– Марина Владимировна? – заглянул в свою тетрадь заместитель декана. – Да, мне звонили из ректората. Вы защищали у нас кандидатскую диссертацию?

– Много лет назад. Тогда одним из моих руководителей была Елизавета Алексеевна Добронравова. Я бы хотела ее увидеть. Я думаю поработать над докторской диссертацией, – объяснила Чернышева.

– Конечно, вы правильно решили, – одобрил он. – Елизавета Алексеевна, правда, не сможет быть вашим научным руководителем, но, безусловно, окажет вам большую помощь в подборе литературы. Сейчас по этой теме переведено много книг. Появились интересные работы.

– Для меня это не главное, – улыбнулась Марина, – я знаю иностранные языки... Английский, французский, испанский.

– И вы только кандидат наук? – спросил он, дурашливо замахав руками. – Считайте, что вы уже доктор. На английском языке можно найти тысячи бесценных работ, которые мы еще не сумели перевести.

– А Елизавета Алексеевна не сможет со мной поработать?

– Конечно, сможет. Но ведь она только кандидат наук, хотя и доцент кафедры. К тому же возраст... – улыбнулся заместитель декана и, спохватившись, что допустил бестактность, добавил: – Но вы не беспокойтесь. В ректорате мне поручили попросить Павла Алексеевича. Он академик, лауреат, заслуженный деятель... Если он согласится, это будет большой удачей. Мне говорили, что вы работаете в каком-то закрытом научно-исследовательском институте. Это верно?

– Верно. Раньше назывался «почтовый ящик».

– Да, да. Ой, извините, – только теперь вспомнил просьбу посетительницы, – вы садитесь, пожалуйста. У нас столько проблем. Я сейчас позову Елизавету Алексеевну.

Она вдруг почувствовала, что за ней следят. Она умела чувствовать на себе чужой взгляд. Марина обернулась. У дверей деканата стоял Андрей.

– Вы будете защищать у нас докторскую? – спросил он несколько ошеломленно.

– Я сейчас приду, – кивнул ей заместитель декана, выбегая из комнаты.

– Это вас не устраивает? – спросила она, вопросительно глядя на молодого человека.

– Я думал, вы актриса, – признался он, – или журналистка. И вы действительно знаете эти языки?

– Знаю, – вздохнула она, – действительно знаю. А почему вы спрашиваете?

– Я говорю по-испански, – признался он.

– Неужели?

Парень интересовал ее все больше и больше. Она давно не видела таких глубоких глаз. По глазам всегда можно сказать, чему они служат – телу или душе. Глаза молодого человека служили его душе.

– Где вы научились говорить по-испански? – спросила она.

– В Мадриде, – ответил он и добавил уже по-испански: – Мне говорят, что я неплохо говорю, но я не уверен в своем произношении.

– Молодец, – похвалила Марина, – произношение безупречное. Вы учились в Мадриде?

– В средней школе, – признался Андрей, – мой отец работал в Мадриде. И я учился там несколько лет. Поэтому неплохо знаю испанский и немного говорю по-английски. А вы действительно работаете в научно-исследовательском институте?

– Да, – кивнула она, – у тебя еще есть вопросы? – она невольно перешла на «ты». Ей казалось, что Андрея она знает уже давно.

– Есть. Как называется ваш институт?

Она покачала головой.

– Сообщаю для сведения, – улыбаясь, сказала она ему, – мой сын в настоящее время находится за рубежом, проходит стажировку в Сорбонне. А сколько тебе лет? – вдруг спросила она у молодого человека.

– Двадцать.

– Значит, мой сын старше тебя. Еще вопросы есть?

– В каком институте вы работаете? – упрямо повторил Андрей.

– Это уже дурно, – заметила она, – не стоит быть таким назойливым.

В этот момент вошел заместитель декана вместе с Елизаветой Алексеевной. Пожилая женщина сразу узнала ее.

– Мариночка, – зашебетала она, – сколько лет я тебя не видела.

Пока они целовались, Марина взглянула туда, где недавно стоял Андрей. Там никого не было. Ей стало немного не по себе – зачем обидела парня. Елизавета Алексеевна продолжала щебетать.

– Ты столько лет у нас не появлялась. Ведь уже десять, – вспомнила она, – как твой мальчик?

– Спасибо, хорошо. Он уже взрослый. Сейчас на стажировке в Сорбонне.

– Господи, как летит время, – всплеснула руками Елизавета Алексеевна. – Ты должна обязательно заехать ко мне. Обязательно. Знаешь, как рада будет моя свекровь!

– Она еще жива?

– Представь себе. Ей уже девяносто четыре.

Елизавета Алексеевна разглагольствовала еще минут двадцать. Заместитель декана улыбался. Все знали, как трудно остановить Добронравову, когда она разоидется. За двадцать минут Марина узнала все новости о трех внуках своей собеседницы, о ее новых кошках, о самочувствии ее мужа и сына, о поездке ее дочери в Америку.

– Сейчас она преподает в Бостоне, представляешь? – На ее розовом круглом лице появилось умильное выражение. Она достала фотографию и протянула Марине. – Посмотри-ка, – сказала она, улыбаясь, – это моя дочь. Рядом стоит ее муж. Вот видишь. Ему пятьдесят три, но он кажется значительно старше своих лет. У него большие суставы. Он тоже преподает там, но только в колледже. У них одна девочка. Ты, наверно, помнишь. А у сына уже двое. И оба мальчишки. Ты их не видела, он женился десять лет назад.

– Чудесно, – Марина с улыбкой вернула фотографию, – ваша дочь сама решила уехать в Америку? Или ее пригласили? Сейчас многие решили обосноваться на Западе. Так ваших кто-то рекомендовал или сами устраивались? – Ей хотелось подвести старушку к разговору о ее племяннике.

– Ой, – всплеснула руками Елизавета Алексеевна, – ты же не знаешь моего Валю. Хотя его знает весь мир. Он им помог. Его мама – моя двоюродная сестра.

– Какого Валю? – Все должно было произойти естественно.

– Валентин Рашковский, самый известный бизнесмен. Ты, наверно, знаешь банк «Армада». Он владелец этого банка. И еще кучи всяких компаний. Его все время показывают по телевизору. Правда, говорят гадости, ну да бог с ними. Я уже не реагирую. Мы ведь знаем Валю с детства. Когда его отца арестовали, он остался с матерью, с моей сестрой. Мы им помогали всегда, чем могли. А сейчас он нам помогает. Это он предложил послать их в Бостон. И даже оплатил дорогу и помог там с домом. Молодец, правда?

– Я даже не знала, что он ваш родственник.

– А я никому не говорю, – понизила голос Елизавета Алексеевна, оглянувшись на заместителя декана, – но все знают, – добавила она, вздыхая. – Такая известная фамилия. Все пишут, что он еврей. А у него дед был поляк. А бабушка – грузинка. Представляешь, какая смесь. Ну мама у него, конечно, русская, моя сестра. Его отца звали Давид, так захотела назвать его мать-грузинка. Наверное, в честь Давида-строителя или в честь какого-нибудь из своих родственников. Но все газеты пишут, что его отец был евреем. Честно говоря, я не понимаю, почему это считается вроде как обвинением. А если бы не поляк, а еврей, ну и что? – рассудительно спросила Елизавета Алексеевна. – Я бы только гордилась, если бы у меня были еще и еврейские корни. Древняя умная нация.

– Валентин Давидович очень помог нашему деканату, – с чувством сообщил Михаил Григорьевич, – мы ему многим обязаны. Он оборудовал компьютерами все наши кафедры.

– Какой замечательный человек, – вежливо согласилась Марина. – Мне пора, – она посмотрела на часы, поднимаясь со стула, – я к вам обязательно зайду. Я все же надеюсь найти у вас материалы для моей работы.

– Тебе давно пора защищаться, – убежденно сказала Добронравова, – а завтра заходи к нам. Мы тебя вечером будем ждать. Ты не забыла, где мы живем?

– Нет, не забыла. Приду обязательно.

– Ты замуж вышла? Или все одна? – ворчливо спросила Елизавета Алексеевна.

– Я люблю свободу, – рассмеялась Марина, забирая сумку со стула.

Она вышла в коридор. Там никого не было. Ей стало немного грустно. Она почему-то надеялась, что Андрей дождет окончания ее беседы в деканате. Зачем? – посмеялась она над собой. Если бы Сергей узнал, он наверняка посмеялся бы. Сергей Кочегин – ее давний друг, с которым она встречалась уже несколько лет. Журналист-международник, он привык к свободному образу жизни, к частым зарубежным командировкам и к полной вольнице. Их отношения устраивали обоих. Они встречались, вместе проводили время, иногда он оставался у нее, иногда она оставалась у него. Но им даже в голову не могло прийти постоянно жить вместе. Для этого они были слишком большими индивидуалистами. Да и знаки гороскопа, о которых иногда со смехом читал Сергей, не сулили им счастливого сожительства. Он – упрямый, настойчивый, раздражительный Телец, она – не менее упрямый, взрывной, импульсивный и энергичный Овен.

Но когда они сходились, им бывало хорошо. Характеры людей складываются десятилетиями, и не всегда только звезды влияют на их формирование. Две недели назад она сообщила ему о длительной командировке. Он повел себя по-мужски, не упрекал, не дулся, хотя известие огорчило его. Она обещала звонить, и они пожелали друг другу счастья. На следующий день она переехала в новую квартиру, уже подготовленную для ее легенды. Она устроилась на работу в научно-исследовательский институт, принесла документы из другого института, который был ликвидирован. Легенда наполнялась плотью и кровью. Следующий шаг – выйти на Валентина Рашковского.

Она спустилась вниз, вышла из здания, направляясь к стоянке автомобилей. Неожиданно за спиной раздались шаги. Она обернулась – Андрей. Он, очевидно, ждал ее на выходе из здания, справедливо рассудив, что она все равно пройдет мимо него. Она улыбнулась. Ей было приятно, что этот молодой человек все-таки дождался ее. Но она обязана была помнить о своем возрасте.

– У вас есть машина? – спросил Андрей.

– Была.

Она прошла чуть дальше, где стояли ее белые «Жигули» – новая машина, выданная ей две недели назад. Она чуть наклонилась, открывая дверцу.

– Спасибо, что проводил, – кивнула она Андрею, усаживаясь на водительское место.

– Можно я вам позвоню? – вдруг крикнул этот молодой нахал.

– Нет, – усмехнулась она, – конечно, нельзя. Прощайте, мой юный друг. И обратите внимание на английский. С двумя языками можно покорить весь мир.

Она отъехала со стоянки. Он долго смотрел ей вслед, запоминая номер. Потом повернулся и пошел в здание университета.

Глава 4

Ресторан «Прага» после ремонта выглядел феешенебельно. Еще в семидесятые годы он славился отличным обслуживанием и кухней. На банкеты для руководителей страны обычно приглашали официантов и метрдотелей из «Праги». После ремонта середины девяностых в ресторане появился купеческий блеск и размах, чего не хватало прежней «Праге».

Для особо взыскательной публики имелось несколько кабинетов, где любители уединения могли пообедать, избегая общения с другими клиентами. В одном из подобных уголков был накрыт стол на девять человек. Ожидали прибытия важных гостей. Официанты с утра поняли, что здесь будут не просто важные гости. Уже с раннего утра на кухне появилось несколько молодых людей. Ближе к полудню число молодых людей в здании выросло до десяти. А ближе к вечеру у здания уже стояло несколько автомобилей с молодыми людьми, а на каждом этаже, кроме собственной службы безопасности, дежурили и представители гостей, которых ждали к семи вечера.

Несмотря на то, что посетители ресторана в обязательном порядке проходили через металлоискатель, в этот вечер гости уединенной комнаты не проходили проверку на наличие оружия. Гости сопровождало такое количество телохранителей и помощников, что сама мысль о прохождении через металлоискатель выглядела нелепой. Оружие было не нужно этим людям, возраст которых колебался от тридцати до шестидесяти. Если бы на встрече случайно оказались эксперты МВД, они бы удивились чрезвычайно. Из восьми гостей «Праги» пятеро были известными криминальными авторитетами, наводившими ужас не только на столицу, но и на все страны СНГ. Был здесь и Леонид Дмитриевич Кудлин, он приехал сюда раньше всех. Господин Перевалов приехал всего лишь с одним телохранителем и был препровожден в комнату, где усажен за столом рядом с председательствующим, чье место пока пустовало. За пять минут до приезда *самого* появился восьмой член этой компании – довольно известный бизнесмен и предприниматель. Коротко поздоровавшись со всеми, он сел на свое место. Кудлин достал телефон и, набрав номер, коротко доложил:

– Все приехали.

Стол был великолепно сервирован. Вызывали недоумение лишь стопки белых бумажных салфеток, лежавших на небольших тарелках перед гостями. И ручки, непонятно зачем положенные перед тарелками, словно гости собирались писать друг другу записки. Если учесть, что у каждого гостя была полотняная салфетка, наличие еще и бумажных вызвало бы некоторое недоумение у стороннего наблюдателя. Однако таковые сюда не могли попасть ни при каких обстоятельствах. В коридоре находилось два десятка людей, чей внешний вид не требовал объяснений. Широкоплечие профессионалы даже не скрывали наличия у них оружия. Будучи сотрудниками частных охранных агентств, они имели право на его ношение.

Через несколько минут в комнату стремительно вошел Валентин Рашковский. Все поднялись. Рашковский подходил к каждому, здоровался за руку. Перед бизнесменом, приехавшим последним, он на мгновение задержался, улыбнулся особенно широко и, пожав руку, прошел дальше. Только Кудлину сухо кивнул, проходя на свое место.

За обедом гости вели себя непринужденно – обменивались шутливыми замечаниями, пили за здоровье соседей, с аппетитом закусывали. И лишь в заключение вечера, когда подали десерт, Рашковский взял салфетку и написал на ней несколько цифр, пуская салфетку по кругу на большой тарелке с синим ободком. Заметив это движение, Кудлин подошел к двери и приказал не пускать в комнату никого, даже официантов.

Первым на цифры взглянул горбоносый грузин, сидевший рядом с Рашковским. Он нахмурился, взял лежавшую перед ним бумажную салфетку, поставил свои цифры и передал

обе салфетки своему соседу. При этом свою салфетку он сложил пополам, чтобы его цифры не были видны. И написал сверху одну букву, означавшую, очевидно, его имя или фамилию.

Второй, среднего роста, с маленькими, почти бутафорскими усиками азербайджанец, прилетевший для этой встречи из Баку, увидев первую салфетку, согласно кивнул. Взглянул на лежавшую перед ним дешевую пластмассовую ручку, поморщился, достал из внутреннего кармана пиджака золотой «Паркер» и написал что-то свое. Сложив свою салфетку и проставив букву, он передал тарелку соседу.

Широкоплечий гигант со злым упрямым лицом и несколько выпученными глазами, увидев цифры, указанные Рашковским, тяжело задыхался, затем вытащил свою ручку, попытался написать что-то, но, вот досада, его ручка не писала, очевидно, кончились чернила. Тогда, подняв голову, он увидел взгляд Рашковского. В тишине в его руках хрустнула бесполезная ручка. Взяв ту, что лежала перед ним, он подумал несколько секунд и проставил на свежей салфетке свои цифры, передавая тарелку следующим.

Четвертым был светловолосый молодой человек лет тридцати пяти с красивыми серыми глазами. Он был самым молодым среди присутствующих. Несмотря на свой тридцатипятилетний возраст, он был не только известным «вором в законе», но и прославившимся своей феноменальной жестокостью главой известной подмосковной группировки. Он посмотрел на салфетку с цифрами Рашковского, криво усмехнулся и, небрежно смятая свою салфетку, проставил цифры втрое большие.

На лице пятого из гостей, полноватого армянина с волной черных вьющихся волос, полуприкрывающих высокий лоб, появилась мягкая улыбка при виде суммы, проставленной Рашковским. Аккуратно взяв салфетку, он поставил свои цифры, так же аккуратно и бережно свернул салфетку пополам, написав на ней сразу несколько букв, очевидно, свои инициалы, и передал тарелку следующему гостю.

Приехавший последним из гостей – известный бизнесмен, чей портрет часто появлялся в газетах, прочитав на салфетке «норму» Рашковского, поднял голову, собираясь что-то спросить. Но, увидев взгляд, обращенный на него Валентином Давидовичем, передумал. Желание что-либо уточнить у него пропало, и он, быстро взяв салфетку, проставил свои цифры. Продав с салфеткой все манипуляции, он передал ее Кудлину.

Леонид Дмитриевич принял тарелку и вопросительно посмотрел на Рашковского. Тот кивнул, очевидно, давая разрешение. Кудлин взял чистую салфетку и начал поочередно раскрывать переданные ему салфетки, выписывая цифры в один столбик. Закончив, он подвел черту и вывел общую сумму. После чего поднялся и передал тарелку с салфетками Рашковскому, обойдя сидевшего между ними Перевалова. Рашковский посмотрел на салфетку с итоговыми цифрами, обвел глазами всех присутствующих. Процедура проходила в полном молчании, никто не проронил ни слова. Все понимали, что кабинет может прослушиваться.

Рашковский достал золотую зажигалку, собрал все салфетки, кроме последней, в одну большую пепельницу, стоявшую перед ним, и поджег стопку смятой бумаги. Огонь быстро сделал свое дело. Рашковский смял пепел ложкой, лежавшей перед ним. И лишь после этого передал салфетку, на которой стояли итоговые цифры, Перевалову. Последний явно чувствовал себя не в своей тарелке в столь необычной компании. Он взял салфетку, посмотрел на сумму, проставленную Рашковским, и в изумлении поднял голову. Все семеро внимательно смотрели на него. Рашковский налил себе в бокал вина и, не провозглашая тоста, осушил бокал до дна.

– Я не могу, – дрожащими губами пробормотал Перевалов, – я не могу. Это невозможно...

– Мы считаем, что это нормально, – перебил его Рашковский, – и думаю, что все не так страшно, как вам кажется.

– Но это очень большая...

– Мы рассчитываем на нашего друга Юрия Перевалова, – сказал Рашковский, перебивая бизнесмена. – Мы можем на вас рассчитывать? – спросил он, делая ударение на первом слове.

Перевалов растерянно смотрел на окружавших его людей. Грузин усмехнулся. Азербайджанец посверкивал глазами, не скрывая своей неприязни. Армянин, казалось, был поглощен своим десертом. Молодой лидер подмосковной криминальной группировки хищно улыбнулся. Он перевел взгляд на Рашковского, словно ожидая сигнала, чтобы броситься на Перевалова, чтобы немедленно перегрызть ему горло. В его глазах было что-то от гончей собаки. Другой представитель славянских группировок нахмурился. Он не ожидал, что сюда придет человек, который будет с ними торговаться.

– Мне казалось, что мы все обговорили, – мягко заметил Кудлин, – у вас есть возражения?

– Нет, то есть да. Это невозможно...

Рашковский посмотрел на говорившего. Потом перевел взгляд на Кудлина. Тот пожал плечами. Сумма действительно была очень внушительной. Перевалов мог не переварить такие деньги. С другой стороны, он должен был ясно представлять, с кем именно ему предстоит иметь дело.

– Я думаю, что все нормально, – торопливо сказал Кудлин, – и Юрий Ильич тоже так считает.

– Не знаю. – Он все еще был намерен сопротивляться, но взгляд лидера подмосковной группировки окончательно сломил его волю. – Я думаю... может быть... – наконец выдавил он.

– Мы договорились, – уверенно произнес Кудлин. Он поднял свой бокал: – Давайте выпьем за дружбу и понимание.

Все присутствующие подняли свои рюмки и бокалы. За весь вечер они ни разу не чокнулись друг с другом. Может, потому, что стол был достаточно большой и они не могли дотянуться. Но они даже не пытались чокнуться с сидевшими рядом соседями. В этой комнате каждый был сам за себя.

– До свидания, – объявил Рашковский. – Мы договорились.

Шестеро гостей поднялись со своих мест. Каждый, кивнув на прощание сидевшему во главе стола Рашковскому, выходил из комнаты, попадая в плотное кольцо своих помощников и телохранителей. Когда в комнате остались только трое, Рашковский посмотрел на Перевалова.

Потом взял салфетку и, поставив вопрос, передал ее Перевалову. Тот взял салфетку, испуганно взглянул на нее, увидел вопрос и, чуть подумав, написал одну цифру. Она была на двадцать процентов ниже обозначенной ранее. Рашковский увидел цифру, усмехнулся и подозвал к себе Кудлина:

– Посмотри.

Кудлин поднялся со своего места, прочитал написанное банкиром, поморщился и переделал ее на другую, отличающуюся от первоначальной процентов на пятнадцать. Затем поднес салфетку к глазам Перевалова. Тот, взглянув, облегченно кивнул.

– До свидания, – подвел итог Рашковский, вставая с места. Перевалов, решив, что Валентин Давидович попрощается с ним за руку, вскочил, но тот только кивнул на прощание и вышел из комнаты. Когда Кудлин, проводив босса, вернулся, Перевалов громко спросил:

– Но почему...

Кудлин приложил палец к губам и позвал Перевалова в коридор.

– Нельзя спорить с Валентином Давидовичем в присутствии этих людей, – пояснил он, – нельзя возражать.

– Я не знал, – испуганно сообщил Перевалов, – я ничего не знал.

– Он обязан думать о своем реноме. В присутствии этих людей нужно быть предельно аккуратным. Я же вам объяснял, что спорить нельзя ни в коем случае. И перечить нельзя. Все, что вам говорят, должно принимать как абсолютную истину.

– Да, да, конечно, – согласился Перевалов, – я все понял.

Кудлин посмотрел на него с некоторым сомнением. Этот несчастный даже не представлял себе всю серьезность ситуации. Сидевшие за столом люди не привыкли торговаться. Они делали свое предложение только один раз. Если бы они не договорились, Перевалов не дожился бы до завтрашнего утра. Похоже, он этого так и не понял.

– Получите на двадцать процентов меньше, – сообщил Кудлин, – но за эту сумму вы должны отвечать лично. Никаких оправданий принимать не буду. Это не те люди. Вы отвечаете за каждый переданный вам доллар. За каждый доллар, – еще раз произнес он. – И отвечаете своей жизнью, – очень тихо добавил Кудлин, – и жизнью своих близких.

Перевалов сглотнул набежавшую слюну и судорожно кивнул, соглашаясь. Он вдруг осознал, что обратной дороги не будет. Вошедший в эту комнату входил в союз с дьяволом, скрепляя его своей кровью, и даже смерть самого Перевалова не могла являться смягчающим вину обстоятельством. В таком случае деньги взыскали бы с его семьи и с его близких. Он обязан был это понимать. Кудлин легонько дотронулся до его плеча.

– А лицензию у вас не отберут, – сообщил он долгожданную весть, – мы договоримся с Центробанком и Министерством финансов.

– Спасибо, – вздохнул Перевалов, – я очень рассчитывал на вашу помощь. Не понимаю, как вам это удалось. Мне говорили, что это уже невозможно.

– Для Валентина Давидовича нет ничего невозможного, – усмехнулся Кудлин.

Перевалов еще раз судорожно кивнул. Он даже не мог себе представить степень влияния человека, с которым только что сидел за столом. И хотя Валентин Рашковский был одним из самых известных и самых влиятельных людей в Москве, даже Перевалов не мог ранее оценивать истинных размеров его могущества.

В семидесятые-восемидесятые годы организаторы подпольных цехов, производивших качественную левую продукцию, стали объединяться по всему бывшему Советскому Союзу. У них было налажено сотрудничество с регионами, они беспрепятственно получали нужное сырье, по всей огромной стране была организована торговая сеть, занимавшаяся реализацией их продукции.

Именно тогда «цеховики» превратились в главных врагов Советской власти. Они были не просто богатыми людьми, а очень богатыми людьми даже по меркам того полуказарменного строя, который царил в стране. Первые секретари обкомов и горкомов получали баснословные прибыли, покупались прокуроры областей и республик, милиция за определенное вознаграждение прикрывала «цеховиков». Не всегда получалось с КГБ, в котором процент честных людей был гораздо выше, чем среди партийных и административных чиновников. «Цеховики» несли потери от организованной КГБ борьбы с экономическими преступлениями. Война шла лютая, не на жизнь, а на смерть.

Многих «цеховиков» отправили в колонии и тюрьмы. Там проходили их первые встречи с «ворами в законе». Деловые и предприимчивые люди сразу поняли, как можно использовать эту грозную силу, и довольно быстро некоторые преступные авторитеты начали получать определенный процент с прибыли, прикрывая подпольные производства не только мощью своего влияния, но и при необходимости огнем своих боевиков.

Законы «цеховиков» были строго регламентированы. Если владелец подобного предприятия оказывался в тюрьме, его компаньоны обязаны были платить причитающуюся часть прибыли семье арестованного. Невыполнение этого условия жестоко каралось. Законное право «цеховика» на его долю сохранялось за ним до смерти. А затем переходило к его наследникам.

Однако уже тогда стало ясно, что нужны некие посредники в отношениях не только между «цеховиками», но и между «ворами в законе», которые иногда сознательно завышали свои требования. Разумеется, публичные разборки в те времена не устраивал никто. Солидные «цеховики» не любили ненужного шума, а заслуженные авторитеты понимали, как глупо и невыгодно ссориться с денежными мешками. Глупо было терять деньги, которые могли

сразу уйти к конкурентам. И невыгодно подставляться под влиятельных врагов, которые могли натравить на зарвавшихся «воров» всю мощь административно-карательного аппарата.

В некоторых республиках «цеховики» стали заметным фактором, определяющим и внутреннюю политику. Особенно в Закавказских республиках, где в этот клан уже входили действующие прокуроры, руководители правоохранительных служб, партийные чиновники. В некоторых районах подпольные цеха организовывались даже с согласия и молчаливого благословения первого секретаря. А в некоторых доля Первого четко регламентировалась.

Но посредники для разрешения споров все равно были нужны. В коммерческих вопросах часто случаются накладки, недоразумения, различного рода срывы, которые сказывались в конечном счете на прибыли. И «цеховики» нашли выход – стали выбирать «судей». Это были своего рода негласные третейские наблюдатели, которые получали проценты от всех сделок, совершаемых на их территории, и, соответственно, разрешали все споры, возникшие в процессе изготовления товаров и их реализации. «Судьи» стали пользоваться таким авторитетом, что не только «цеховики», но и «воры в законе» начали прислушиваться к их мнению. Сказывалось и то обстоятельство, что на подобные должности выбирали самых умных, толковых и проверенных людей. «Судьи» решали и конфликты «воров» и «цеховиков».

Но настоящая революция произошла в восемьдесят седьмом, когда собравшиеся в Минске преступные авторитеты бывшей страны единогласно решили избрать из своего круга тройку для переговоров с «цеховиками». Те выбрали свою тройку. Встретившаяся через какое-то время шестерка договорилась о фактическом сотрудничестве и разделении сфер влияния.

В январе девяностого в Баку произошла грандиозная встреча самых известных преступных авторитетов страны и «цеховиков». Положение в городе было нестабильное, власть теряла устойчивость, повсюду шли митинги. Зрели погромы. Но собравшихся в дачном поселке под Баку авторитетов не интересовала обстановка в городе. Их волновали собственные проблемы. Именно тогда впервые был избран неофициальный глава «судей», своего рода высший авторитет для всех преступных кланов огромной страны, чьи указания были непреложными для исполнения. Власть этого человека основывалась не на страхе, а на уважении и молчаливом признании того факта, что в случае разногласий дело решает некий верховный арбитр, разрешающий без крови все вопросы.

Первым таким авторитетом был избран отец Валентина – Давид Рашковский. Сын в это время уже занимал высокую должность во Внешэкономбанке. Он давно знал, чем именно занимается его отец. Помогая ему во всем, он, однако, не подозревал, какой иерархический пост занял Давид Рашковский в январе девяностого. Отец ничего не сказал сыну. Лишь постепенно, в процессе собственной работы, когда приходилось выходить из нестандартных ситуаций, сын с нарастающим изумлением увидел, каким уважением пользуется его отец, чье слово значило больше решений и приказов любого федерального министра.

В девяносто втором именно отец помог сыну занять должность, связанную с выдачей лицензий. Именно он всячески опекал и помогал сыну, приставив к нему двух самых надежных людей. Бывшего генерала КГБ Николая Александровича Фомичева, чья супруга, руководитель крупнейшего торгового центра в Москве, давно была связана с «цеховиками», и Леонида Дмитриевича Кудлина, в чьих способностях и верности отец не сомневался.

Отца не стало в девяносто третьем, когда сын был уже одним из самых богатых людей в стране. Вместо Рашковского высшим авторитетом тогда избрали одного из самых известных преступных авторитетов. Однако «вор в законе» повел себя так, словно попал в зону. Он начал насаждать собственные порядки, без надобности влезать в дела других авторитетов, когда его не просили об этом, диктовать собственные правила. Это кончилось тем, что его убили в Москве, а столицу захлестнул уголовный беспредел. Следующий авторитет, избранный через несколько месяцев, достаточно скоро сбежал в Америку, надеясь отсидеться в эмиграции. Он довольно быстро был вычислен и арестован американским ФБР и, сообразив, что

лучше отказаться от своего высокого звания, добровольно сложил с себя полномочия. Образовался некий вакуум, который нужно было заполнить.

К этому времени невиданный уголовный беспредел беспокоил не только власти, но и криминальных авторитетов, бывших «цеховиков», многие из которых стали уважаемыми предпринимателями, чиновниками. В некоторых республиках они даже заседали в парламенте, даже становились министрами. Но общие интересы, несмотря на разрыв страны, все еще оставались, а привычка к разрешению всех спорных вопросов высшим арбитром стала потребностью. Арбитр еще решал все вопросы, даже межгосударственные, достаточно быстро, без лишних формальностей и волокиты. К середине девяностых встал вопрос – кого избрать на эту роль.

Вошедшие во власть бывшие «цеховики» понимали, что бывший уголовник, какими бы качествами он ни обладал, только скомпрометирует идею. Нужен другой человек. Среди кандидатов было три фигуры. Два грузина и один представитель славянских группировок. Но произошло нечто фатальное. Двоих из трех выдвинутых кандидатов застрелили в Москве, а третий попал в тюрьму, отбывать срок за политику, в которую ввязался, находясь в Грузии. Конечно, формально можно было избрать и сидевшего в тюрьме человека, однако «судьи» решили иначе – предложили кандидатуру сына Давида – Валентина Рашковского.

Роль сыграли и его способности, и его капитал, и связи, учтена была и его грузинская бабушка. Грузинские авторитеты, составлявшие треть всей криминальной «головки» стран СНГ, согласились поддержать кандидатуру Рашковского. Русские криминальные авторитеты, выдвинувшие Рашковского, справедливо рассчитывали на него, на его поддержку. И наконец, его поддержали армянские и азербайджанские кланы, считавшие, что поляк Рашковский будет проводить достаточно нейтральную позицию. К этому времени по всей России были разгромлены чеченские преступные организации, всегда возражавшие против избрания единого арбитра и настороженно относившиеся к любым ущемлениям их прав. Сотрудники ФСБ и милиции, воспользовавшись войной в Чечне, еще в середине девяностых годов практически разгромили чеченские преступные организации.

Многие чеченские авторитеты сворачивали свою деятельность, многие в качестве боевиков вернулись на родину сражаться за самостоятельность Ичкерии. У чеченцев традиционно сложились плохие отношения с грузинскими «коллегами». Во время абхазской войны некоторые чеченские формирования принимали участие в сражениях против официального Тбилиси, более того, грузинские и чеченские авторитеты часто сталкивались на автомобильных рынках, занимаясь крупными оптовыми поставками ворованных автомобилей. «Нейтрализаторами» подобных отношений выступили азербайджанские лидеры преступных группировок. Они традиционно брали под свою опеку чеченские группировки, имея при этом давние связи с грузинскими лидерами преступного мира. Именно поэтому, поддержав Рашковского, они передали ему не только свои голоса, но и голоса чеченских лидеров криминального мира.

В девяносто шестом Рашковский был торжественно избран высшим арбитром преступного мира. «Коронация» состоялась в Санкт-Петербурге, куда его привез Кудлин.

Авторитеты разъезжались из Санкт-Петербурга с чувством выполненного долга. Человек, сумевший сделать полмиллиарда, не будет мелочиться из-за миллиона долларов. Если он сумел заработать для себя столько, значит, сумеет быть полезным и всем остальным. Да и подобное избрание легального лица обеспечивало прекрасное прикрытие. Ведь уже с конца семидесятых «казначейми» преступных синдикатов стали избирать популярных актеров, известных деятелей культуры, даже некоторых чиновников, находящихся вне подозрения. Рашковский был одним из них. И вместе с тем он был не похож ни на кого. У него было идеальное прошлое и гарантированное будущее. На такого человека можно было ставить. И они поставили.

Глава 5

Машины въехали во двор. Охранники посыпались из автомобилей сопровождения. Директор ФСБ, поправив воротник плаща, вошел в здание Федеральной службы. Охрана, сопровождавшая его в поездке, осталась во дворе. В подъезд вместе с директором вошли двое – его личный телохранитель и помощник. Ему всегда казалось немного странным, что они провожают его до кабинета. Получалось, что и в самом здании Федеральной службы контрразведки он не мог чувствовать себя в полной безопасности.

Директор вошел в свою приемную, кивнул секретарю. Она уже знала о его приезде. В приемной находился еще один помощник. Поздоровавшись с ним кивком головы, директор прошел в кабинет. Он был убежден – лишняя фамильярность вредит служебным отношениям.

Из своего кабинета он прошел в комнату отдыха, разделся, оставил там свой плащ и снова вернулся в кабинет. Сел в кресло, чувствуя, как покалывает затылок. Голова болела уже давно, и врачи считали, что причина – повышенное давление. Он потер затылок, открыл ящик стола, взглянул на лекарство. Подумав немного, решительно задвинул ящик. Он не хотел привыкать к лекарствам, надеясь, что головная боль пройдет сама по себе.

Позвонила секретарь. Она сообщила, что в приемной находится его заместитель, который ждал встречи еще вчера. Директор недовольно поморщился. Своего заместителя он не любил. Его навязали ему по протекции высокопоставленных чиновников, и он вынужден был согласиться на этого типа. Директор считал его приставленным к себе человеком и общался с ним лишь по необходимости, избегая любых лишних контактов. Заместителю было пятьдесят пять, и он скорее ходил на шеф-повара крупного московского ресторана, чем на генерала контрразведки. Лысый, полный человек, он часто потел и задыхался при долгом разговоре. На фоне подтянутого, молодежавшего пятидесятилетнего директора его заместитель выглядел стариком. Директор ФСБ все-гда с удовольствием отмечал это несоответствие двух фигур и постоянно лицемерно советовал своему заместителю заниматься физкультурой, чтоб «костюмчик лучше сидел».

– Что-нибудь случилось? – спросил директор, когда заместитель вошел в его кабинет, как обычно тяжело дыша. Заместитель курировал самое важное направление в их работе, занимаясь непосредственно политическими вопросами.

– Случилось, – мрачно ответил заместитель, – у нас появились сведения, что кто-то начал осторожно выяснять подробности о методах охраны высших должностных лиц в нашей стране.

– Ну и что? Может, какой-нибудь журналист готовится тиснуть очередную сенсационную статейку, – улыбнулся директор. – Или вы увидели в этом какой-то особый тайный смысл?

– В нашем аналитическом отделе не исключают любой возможности. Вплоть до покушения. Учитывая обстановку, мы не можем исключить и такого варианта.

– Покушения? – Он не хотел скрывать своего презрения к этому толстяку.

– Да, покушения, – подтвердил заместитель, доставая платок и вытирая лицо.

– Вы хотите сказать, что у вас есть достоверная информация о покушении на президента? И вы до сих пор молчите?

– Не совсем, – смутился генерал, – не на президента. И это не информация. Один из наших осведомителей сообщил, что в последнее время начали интересоваться охраной некоторых чиновников, руководителей различных структур, в том числе и государственных, даже охраной министров. Агенту пока не удалось выяснить, кто и зачем интересуется этими вопросами, но такие сведения уже появились.

– В нашей стране высшие должностные лица – это президент, премьер, спикеры парламента, председатель Конституционного суда. Неужели вы до сих пор этого не знали? – хмуро спросил директор.

– Я оговорился, – мрачно поправился генерал. – Я имел в виду чиновников, занятых на государственной службе. В том числе и министров, – осторожно напомнил он.

– Это не высшие должностные лица. Это обычные чиновники. Как и мы с вами, генерал. У вас появилась конкретная информация, что кого-то из наших министров хотят ликвидировать?

– Нет, – задыхаясь, ответил генерал, – но один из наших агентов сообщил, что он слышал о том, как кто-то интересовался организацией охраны государственных чиновников.

– Есть более конкретная информация?

– Более точной нет. Но мы дали указания нашему агенту получить ее.

– Правильно, – кивнул директор, – кто этот агент? Почему я ничего не знаю о нем?

– Вы его знаете. Это Путник. Помните, я вам докладывал о нем в прошлом году.

– Вы же говорили, что он выходит на пенсию? Мы его исключили из числа активных агентов.

– Верно. Но в нашем отделе он проходил по дополнительному списку. Был в нашем резерве. После ухода на пенсию он ушел из своего отдела, но на пенсии не усидел и теперь устроился в управление кадров МВД. На рядовую работу. Мы ему, конечно, помогли с устройством.

Это было одно из самых секретных направлений работы Федеральной службы безопасности. Ее агенты были внедрены не только в криминальные структуры, но и в правоохранительные органы для возможного контроля этих организаций со стороны контрразведки. В прежнем КГБ, еще при Юрии Андропове, был создан отдел, занимавшийся контролем за правоохранительными органами, в составе которых иногда появлялись предатели, работавшие на криминальные структуры.

– Вы хотите сказать, что этот вольнонаемный полоумный пенсионер сообщил вашему сотруднику информацию такой важности? – спросил директор. – Как она к нему попала?

– Пока подробностей мы не знаем. Но я считал необходимым доложить вам это.

– Откуда сотрудник Министерства внутренних дел может знать о таких вещах? – начал злиться директор ФСБ. – Или они решают, как избавиться от собственного министра?

– Я считал необходимым доложить обо всем вам лично, – обиженно задышал генерал.

– Считайте, что доложили. Кто ведет вашего агента?

– Майор Прыгунов.

– Пусть передаст его полковнику Авдониному. Я поручу ему заниматься этим пенсионером. А Прыгунов пусть работает непосредственно со своими агентами.

– Вы считаете это серьезным сигналом? – удовлетворенно спросил генерал. Полковник Авдонин не был сотрудником отделов, которые он курировал. Он возглавлял группу сотрудников секретариата, которую курировал лично директор ФСБ.

– Во всяком случае, нужно проверить, – отрезал директор, давая понять, что не собирается больше распространяться на эту тему. Они говорили еще несколько минут, и, когда заместитель выходил из кабинета, директор напомнил ему:

– Не забудьте про Путника. Пусть Авдонин примет его у Прыгунова. Прямо сегодня. Я распоряжусь.

Когда генерал наконец ушел, директор долго и задумчиво смотрел на телефоны, стоявшие перед ним. Восемь телефонов выстроились в ряд, словно ждали его указаний. Дважды он протягивал к ним руку. И дважды убирал. Он знал, как прослушиваются все телефоны Федеральной службой правительственной связи и охраной президента, бывшими управлениями КГБ, ставшими ныне самостоятельными структурами. Он даже не может полагаться на собственные телефонные аппараты. Наконец, в третий раз, его рука потянулась уже к селектору.

– Пригласите ко мне Авдонина, – приказал он своему секретарю.

Через десять минут полковник Виктор Авдонин вошел в кабинет директора ФСБ. Среднего роста, лысоватый, в очках, он был похож на преподавателя средней школы. Однако Авдонин считался одним из лучших аналитиков и был мастером спорта по пятиборью.

– Садитесь, – пригласил его директор. Он встал со своего места и включил магнитофон. Его кабинет был оборудован самыми мощными техническими средствами, включая генераторы шумов и сверхсовременные скремблеры, позволявшие исключить всякую возможность любого подслушивания. И тем не менее он включил на всякий случай еще и магнитофон, словно не доверяя даже своим помощникам и секретарю, которые находились в приемной.

– Что у вас по нашей проблеме? – спросил директор.

– Пять человек, – сразу ответил Авдонин, – Сергей Галустян, Керим Гусейнов, Вячеслав Звонков, Валериан Гогоберидзе, Петр Прокопчук. Они были на встрече в ресторане «Прага». Самые известные криминальные авторитеты стран СНГ. Мы сфотографировали всех выходящих из здания людей. Пятеро криминальных авторитетов.

– Кто еще был там?

– Известные бизнесмены, – доложил Авдонин, – Валентин Рашковский, Эдуард Симарковский, Юрий Перевалов и Леонид Кудлин. Четыре бизнесмена и пять авторитетов.

– Невероятно, – нахмурился директор. Двое из упомянутых Авдоным людей, крупнейшие бизнесмены, входили в первую пятерку самых богатых людей страны. А Юрий Перевалов – председатель совета директоров одного из крупнейших банков России.

– Ничего конкретного о встрече узнать не можем, – признался Авдонин, – мы установили магнитофоны, постарались внедрить своих людей. Но запись разговора нам ничего не дала. Несколько приветствий, застольные тосты, ничего не значащие слова. Либо они применили новую технику, либо вообще не разговаривали по делу.

– Тогда зачем они собрались в таком необычном составе? – рассердился директор. – Самые известные бизнесмены встретились с самыми известными бандитами. Зачем? И мы ничего не можем узнать. Нужно подключить всех агентов. Наверняка можно заранее просчитать, где они встретятся в следующий раз. Они бросают нам вызов. Получается, что они собираются в Москве, у нас под носом, а мы не знаем, о чем они говорят и зачем собираются.

– Нам стало известно о встрече буквально за несколько часов, – признался Авдонин, – когда там стали появляться охранники и один из официантов ресторана позвонил нам. В следующий раз они могут собраться где-нибудь за городом, на даче или в ресторане. Нам очень трудно определить конкретное место. Никто ничего не знает. Судя по всему, место будет определять лидер этой группы.

– И вы до сих пор не знаете, кто из криминальных авторитетов руководит этим сообществом? Кто назначает встречу? Кто из пятерых является руководителем этого преступного сообщества?

– Пока нет, – признался Авдонин. – Известно, что один из участников встречи почти наверняка «верховный арбитр», высший авторитет среди руководителей мафии в странах СНГ, так сказать, третейский судья в их спорах. Но вы знаете, как сложно его вычислить. Все знают о его существовании, но никто не знает конкретного имени. Может, это один из пятерых. Но кто именно? Мы пока этого не можем установить.

– Запомните, полковник, что это самое важное дело, которое мы сегодня ведем. Не хватало нам только «верховных арбитров». Нам своей мафии вполне достаточно. Что думают в МВД?

– Они тоже ищут, но пока безрезультатно. Вместе с тем наши агенты в МВД сообщают, что там уже начали какую-то интересную операцию совместно со Службой внешней разведки.

– Детали известны?

– Нет, – признался Авдонин.

Наступило молчание. Директор переложил ручку на другое место, вспомнил о своем лекарстве и еще раз открыл ящик. Затем так же решительно его задвинул.

– Агент Путник сообщает, что у него есть сведения о готовящихся покушениях на некоторых государственных чиновников, – сообщил директор ФСБ, глядя в лицо Авдониному. Ему была важна реакция полковника.

Тот сидел молча, глядя в лицо директору. На лице не дрогнул ни один мускул.

– Откуда в МВД могли просочиться подобные сведения? – спросил директор.

– У нас не может быть никакой утечки информации, – твердо ответил Авдонин.

– Вы сами понимаете, что операция «Лес» была засекречена, – напомнил директор, – вашу группу создавали для того, чтобы никто и никогда не узнал о том, чем именно вы занимаетесь. На создание вашей группы я получил личное разрешение. И если сейчас подобные слухи начали поступать из МВД, то это не просто плохо, это очень плохо, Авдонин.

– Я все понял. Мы найдем агента Путника.

– Не нужно его искать. Майор Прыгунов передаст его вам. Кто его устроил обратно на работу? Наверное, сам же Прыгунов?

– Мы это выясним.

Авдонин наклонил голову. Он был одним из самых толковых сотрудников.

– С кого думаете начать? – спросил директор.

– С кого-нибудь из бизнесменов, – признался полковник, – Рашковский или Симаковский. Нужно проверить реакцию всех остальных. А уже потом будем искать среди криминальных авторитетов.

– Рашковский или Симаковский? – уточнил хозяин кабинета.

– Рашковский, – ответил полковник, – он более известен.

– Хорошо, – разрешил директор, – начинайте. – Он помолчал немного и добавил: – А проблему Путника тоже решите. И как можно быстрее.

– Я все понял, – ответил Авдонин, поднимаясь. – Разрешите идти?

В кабинете повисла тишина. Наступила долгая пауза. Директор испытующе смотрел на своего сотрудника. Наконец он первым прервал молчание.

– Запомните, полковник, – сказал директор ФСБ, – о нашей операции всю информацию имеют только два человека, и они находятся в этом кабинете. Если кто-то узнает о деталях операции, я буду вынужден сделать соответствующие выводы.

– Я об этом всегда помню, – ответил Авдонин, поправляя очки. Он смотрел прямо в глаза директору. Взгляды их встретились. Они понимали друг друга.

– До свидания. – Директор проводил взглядом уходившего офицера. Потом снова поднялся, подошел к магнитофону и вместо того, чтобы убрать звук, перевел его на максимальную громкость. Он так и стоял у магнитофона, морщась от громкого звука.

Глава 6

Вечером следующего дня она отправилась в гости к Елизавете Алексеевне. Все было как прежде, словно и не прошло десяти лет. Хозяйка дома хлопотала на кухне, ее доброжелательная свекровь показывала альбомы с детскими фотографиями. Добродушный хозяин дома, муж Елизаветы Алексеевны, накрывал на стол, доставая грузинские вина, которые он знал и любил. Бегали двое внуков, мяукали сиамские коты, уже пятое поколение, выросшее в этой семье. Марине на мгновение даже стало немного грустно. В этой большой и дружной семье все любили друг друга и гостей, приходивших в их доброжелательный дом. Последним явился сын Елизаветы Алексеевны, приехавший прямо с испытаний. Он был инженером и, несмотря на явную непрестижность этой профессии в девяностых годах, не бросил любимую работу, нацеливаясь на поиски других возможностей материального обеспечения своей семьи.

Правда, ему было легче, чем всем остальным. Дух Валентина Рашковского, его двоюродного кузена, незримо витал над всей семьей, словно оберегая их от материальных потрясений.

В те годы, когда мать Вали осталась одна с малолетним сыном на руках, ей помогала вся семья Добронравовых, словно решивших еще раз оправдать свою фамилию добрыми делами. Валентин никогда не забывал этого. Именно потому лаборатория, которую возглавлял сын Елизаветы Алексеевны, всегда щедро финансировалась, а библиотека, где работала ее невестка, получала гранты от известного зарубежного фонда.

Среди семейных фотографий было много карточек и самого Вали, выросшего вместе с детьми Елизаветы Алексеевны. Летние месяцы он проводил на даче Добронравовых, приезжая в Москву из Тбилиси.

В этот вечер было много воспоминаний и много теплых слов. Марина, понимая, как важно восстановить отношения, почти не обращалась к теме Рашковского, постоянно вспоминая события десятилетней давности. У Добронравовых нужно было поддержать иллюзию многолетнего знакомства с бывшей аспиранткой их матери. Лишь однажды Марина обратила внимание на слова сына Елизаветы Алексеевны, когда тот сообщил о предполагаемой поездке Валентина в Англию, из которой тот вернется через неделю, чтобы принять участие в презентации нового офиса своего банка «Армада».

Поздно вечером она подъехала к своему дому, завернув на стоянку. Стоянка была напротив дома, в пяти минутах ходьбы. Оставив машину, она кивнула на прощание дежурному и вышла за ограду. Уже подходя к дому, она увидела одинокую фигуру, торчавшую у ее подъезда. Человек показался ей знакомым. Это ее удивило. Она знала о строжайшем запрете генерала не высылать связных без ее согласия. Подходя ближе, она уже не сомневалась, что этот человек ей знаком. И когда увидела темно-синюю куртку, все поняла.

– Андрей, – удивленно сказала она, – это ты?

– Почему так поздно возвращаетесь? – спросил он, делая шаг навстречу.

– Я была в гостях у Елизаветы Алексеевны. А ты что здесь делаешь? В легкой куртке? Холодно ведь. Еще не лето.

– Ничего, потерплю, – ответил парень.

– Как ты узнал, где я живу? – изумленно спросила она. Получалось, что молодой человек мог сорвать их операцию. Как он узнал, где она живет? Ведь она переехала в этот дом только две недели назад, и ее нового адреса не знал никто.

– По вашей машине, – пояснил Андрей, – я запомнил номер машины. Потом вышел на одного знакомого парня. Он умеет входить в разные системы. В общем, нетрудно было установить адрес владельца машины.

Она улыбнулась. Все правильно. Согласно ее легенде автомобиль «Жигули» был зарегистрирован именно на эту квартиру. Им казалось важным предусмотреть всю возможную

систему проверки. А получилось, что профессионалы ФСБ и МВД старались для этого молодого человека.

- Ты ненормальный, – улыбаясь, сказала Марина, – давно стоишь?
- Часа четыре, – взглянул он на часы.
- Ступай домой. – Она пошла к входной двери, ко-гда услышала его слова:
- Может, хотя бы кофе дадите? Я весь озяб.

Марина взглянула на него. Ее забавляла эта настойчивость. Да и что греха таить, было приятно такое настойчивое внимание. Ей вообще сразу понравился этот парень еще там, в университете. Хотя, конечно, нельзя забывать свой возраст. А главное – задание. Но сейчас ей не хотелось помнить ни первого, ни второго. В конце концов, парень даже сыграл на ее легенду, увязав владельца автомобиля с квартирой, в которую она переехала только две недели назад.

– Черт с тобой, – неожиданно для себя сказала Марина, – пошли за мной. Кофе ты заслужил.

Они поднялись наверх, на третий этаж, в ее двухкомнатную квартиру. Квартира была трехкомнатной, но она настояла, чтобы здесь сделали перепланировку. Нужно было рассчитывать на возможное появление в этой квартире и самого Рашковского, на которого должна была произвести впечатление каждая деталь, подобранная с учетом мнения психологов ФСБ.

Она открыла дверь, и они вошли. Он остановился, оглядываясь по сторонам. Перед ним была большая комната, в которую надо было входить сразу – без привычного коридора и прихожей. Посредине комнаты стоял рояль. В углу – телевизор и стереосистемы. В другом углу – полки с книгами. Три дивана стояли полукругом, окружая красивый белый столик на трех ножках. Занавески в тон диванам и несколько светильников причудливых форм. Они мягко освещали комнату, отбрасывая длинные тени на все предметы.

- У вас красиво, – задумчиво сказал Андрей, – у вас очень красиво.
- Садись на диван, – приказала она ему, – сейчас я приготовлю тебе кофе.

Она прошла в спальню, скинула туфли. Посмотрела на себя в зеркало, зачем-то поправила волосы и, надев мягкую домашнюю обувь, уже собиралась выйти из комнаты, когда вдруг замерла. Затем снова посмотрела на себя в зеркало. Привычные домашние тапочки как-то смешно смотрелись на фоне ее черных колготок и темно-зеленого платья. Подумав немного, она убрала тапочки и снова надела туфли на высоких каблуках. И лишь затем вышла из комнаты.

Кухня находилась в другой стороне квартиры. Проходя через гостиную, она увидела, что он рассматривает ее книги. Она была права, отметив умные глаза мальчика. Она всегда была убеждена, что ум – главное в мужчине и это качество, которое невозможно подделать.

Через несколько минут она вышла с небольшим подносом – песочное печенье, сахар, конфеты и две чашечки кофе. Она расставила все это на столике.

- Устраивайся, – предложила она гостю. Андрей подошел к дивану.
- У вас интересные книги, – с восхищением сказал он.

– Так, небольшая библиотека, – честно призналась она. В ее настоящем доме книг было в три раза больше.

– У вас интересные книги, – снова повторил он, – Маркес, Борхес, Карпентьер, Амаду. Вы читаете их в подлиннике?

- Я же говорила, что знаю иностранные языки, – улыбнулась Марина.

– Борхес мой любимый писатель, – признался Андрей, – а почему у вас Хемингуэй на русском? Вы же говорили, что знаете английский? Говорят, что в подлиннике он звучит совсем иначе.

Это было ошибкой. Хемингуэй и Миллер – любимые писатели Рашковского. Их специально положили на видное место, чтобы каждый вошедший мог сразу заметить. Но парень был

прав. Нужно поменять на английские экземпляры. Польза от посещения ее квартиры Андреем уже стала очевидной.

– Мне нравится, как его переводят, – улыбнулась она, – кроме того, я не смогла найти Хемингуэя на английском. В основном продавали издания карманного типа, а я такие книги не люблю.

– Я вам принесу, – пробормотал Андрей, – у меня в библиотеке есть полный Хемингуэй на английском.

Она взяла чашку. Странно, что он собирает такие книги. Он ведь сказал, что плохо знает английский.

– Ты сам покупал эти книги?

– Нет, мой отец. У нас большая библиотека, несколько тысяч томов. Есть и Лорка. Отец его очень любит.

– Твой отец знает испанский?

– И английский тоже. Он работал послом нашей страны в Испании. А сейчас посол в Аргентине.

Только этого не хватало, подумала она. Этого мальчика теперь отсюда уберет ФСБ. Только не хватало, чтобы он был сыном посла. Этим и объяснялось его знание испанского.

– Как твоя фамилия? – удивленно спросила она.

– Камышев, – ответил он, – Андрей Камышев.

Нужно будет проверить, озабоченно подумала она. Жаль, что все так получилось, мальчик хороший, но встречаться с ним больше нельзя.

– Вы все время жили одна? – спросил Андрей, поднимая чашку с кофе.

– Все время, – сказала она, – а почему ты спрашиваешь?

– У вас такая стильная квартира. Как и вы сами. Неужели вы никогда не выходили замуж?

– Не задавай глупых вопросов, – притворно нахмурилась она, – пей кофе и уходи.

– Можно я все же задам вам один вопрос? – неожиданно спросил он, поставив чашечку на столик.

– Один можно, – кивнула она.

– Вы разрешите мне остаться здесь до утра? – он даже покраснел. В ней проснулась требовательная мать. Только этого не хватало.

– Не разрешу, – мягко ответила Марина.

– Почему?

– Это уже второй вопрос, – напомнила она, – но раз ты мужественно простоял четыре часа, я отвечу и на твой второй вопрос. У нас большая разница в возрасте. Очень большая. Это неудобно и несколько меня сковывает. Ты представляешь себе, кем именно я кажусь себе со стороны? Старой матроной, соблазняющей молодого человека. Ты симпатичный молодой парень. У тебя наверняка есть достойные подружки, с которыми ты можешь встречаться. Не стоит в двадцать лет увлекаться женщиной, которая более чем в два раза старше тебя. Свои первые сексуальные опыты ты уже наверняка получил, поэтому не узнаешь ничего нового. Думаю, сказанного достаточно?

– Извините, – он все еще краснел, – вы такая прекрасная женщина. Мне показалось... – он не договорил.

– Иди, Андрей, – сказала она ему на прощание, – уже достаточно поздно. Ты живешь один?

– Нет, с бабушкой.

– Тем более. Бабушка будет волноваться.

– Она привыкла, – снова краснея, сообщил он, чуть бахвалясь. Сказывался возраст.

– Это уже грубо, – сморщила она нос, – не нужно выдавать себя за героя-любовника. Я все равно тебе не поверю.

Он поднялся. Потоптался на месте. Она откинулась на спинку дивана, закрывая глаза.
– Иди домой, – попросила она.

Он вышел, мягко закрыв за собой дверь. Она посмотрела на его чашку, которую он оставил на столике недопитой. И усмехнулась. В этот момент позвонил телефон. Она взяла трубку:

– Слушаю вас.

– К вам приходили гости? – спросил незнакомый голос.

– Вы не туда попали. – Она хотела положить трубку, но голос быстро произнес:

– Вам привет от Игоря Николаевича.

– Где вы находитесь? – спросила она.

– В квартире внизу. Под вами. Мне приказали вас охранять.

Она понимала, что так должно быть. Но ей было неприятно, что кто-то мог увидеть, как она пригласила к себе этого молодого человека.

– Вы один?

– Нас двое. Мы сменяемся каждые сутки.

– Надеюсь, дома у меня нет ваших камер или «жучков»? – спросила Марина.

– Вы же знаете, что нет. Это запрещено.

– Надеюсь, – пробормотала она, – иначе было бы слишком глупо.

– Спокойной ночи, Марина Владимировна. Игорь Николаевич просил предупредить вас, что наш знакомый приезжает через неделю.

– Я знаю. Спокойной ночи.

Она положила трубку. Подошла к окну. Лунная дорожка освещала уходившего Андрея. На мгновение ей даже стало стыдно. Она так бесцеремонно и жестоко отхлестала этого симпатичного парня. С другой стороны, она сделала все правильно. Через неделю в столицу вернется Валентин Рашковский. Ей не для этого сняли квартиру, чтобы она принимала здесь молодых людей. Даже таких симпатичных, как Андрей.

Глава 7

В это утро они должны были выехать на трех автомобилях. Рашковский жил за городом и приезжал в свой офис к десяти часам утра, проводя на работе обычно по десять-двенадцать часов. Поздно вечером он возвращался домой в сопровождении своих охранников. В колонне обычно шли две легковые машины и джип. Легковыми эти машины можно было назвать лишь условно, так как и следовавший впереди «БМВ» седьмой модели, и идущий обычно следом за ним «шестисотый» «Мерседес» были изготовлены по специальному заказу в Германии. Дело было даже не в том, что оба автомобиля имели бронированные стекла. По количеству наращенной брони они могли считаться скорее легкими танками, чем легковыми машинами.

Но в эту ночь у него на даче оставалась дочь, которая должна была улетать в Цюрих. Утром он встал раньше обычного, чтобы пройти в ее комнату. Дочь еще спала. Он сел рядом на кровать, мягко погладив ее по волосам. Девушка обиженно почмокала губами, продолжая спать.

– Аня, вставай, – наклонился к ней отец, – тебе пора в аэропорт. Можешь опоздать.

– Спать хочу, – призналась дочь. Сказывалась разница с Цюрихом на два часа. Она уже привыкла жить по средневропейскому времени.

– Вставай, вставай, – мягко толкнул он дочь, – поспишь в самолете. У тебя салон первого класса, там тебе дадут прекрасно выспаться.

Она открыла глаза, потянулась, посмотрела на отца.

– Ты собрала свои вещи? – Ему всегда казалось, что он уделял ей недостаточно времени. Может, потому, что так рано расстался с ее матерью.

– Еще вчера вечером, – она уже полностью проснулась.

– Вставай. – Он снова провел рукой по волосам дочери и поднялся, чтобы выйти из комнаты. Она вскочила, едва он встал. Отец невольно обернулся. Его всегда поражало ее стремительное взросление. Угловатая девичья фигурка быстро превращалась в женщину со сформировавшимися формами. Это его даже смущало. Вот и сейчас, невольно взглянув на нее, он нахмурился. Она спала в пижаме, но он почувствовал себя неловко, словно увидел девушку раздетой.

Он вышел из комнаты, невольно раздражаясь. Каждый раз ему хотелось поговорить с дочерью, узнать о ее жизни в Швейцарии подробнее, не появились ли у нее друзья среди парней. В семнадцать лет это было так естественно. С другой стороны, два приставленных охранника докладывали, что девочка ни с кем не встречается. А если встречается, если уже встречалась? Ему почему-то была неприятна сама мысль, что кто-то другой, чужой, может дотрагиваться до волос его дочери, говорить ей приятные слова... Будучи прагматиком, он понимал, что ее нельзя полностью оградить от жизни. Рано или поздно в ее судьбе должен был появиться молодой человек, и тогда отец неминуемо отойдет на второй план.

За завтраком он смотрел на девочку, молча думая о ней. У нее были светлые волосы и большие голубые глаза. Это странно, всегда думал Рашковский. У него были серые глаза, а у его первой жены, кажется, карие. Впрочем, карие и серые могли дать и такое сочетание. Курносый носик, красивые белые зубы, симпатичная мордашка – его дочь наверняка имеет успех у молодых людей. Первая жена была наполовину украинкой. Какая смесь в этой девочке, каждый раз с восхищением думал отец. Польская, грузинская, русская, украинская кровь. Где-то он читал, что такие дети бывают особенно крепкими. Рашковский усмехнулся. В нем тоже было сочетание различных кровей. Наверное, врачи правы, когда говорят о здоровых генах. Он с удовольствием еще раз посмотрел на свою дочь. Когда она закончила завтрак, он спросил:

– Как у вас дела в школе?

– Нормально, – пожалала она плечами, – все как обычно.

– Друзья у тебя есть? – все-таки не удержался от вопроса Рашковский.

– Конечно, – удивилась она, – полно... У меня полшколы друзей.

– А ребята хорошие есть?

– Хороших везде мало, – рассудительно сказала она, поднимаясь со стула. Больше к этой теме они не возвращались.

Он вызвал начальника охраны. Тридцатипятилетний здоровяк Явдат Иманов, бывший сотрудник спецназа, раненный в Афганистане, был уволен из органов еще восемь лет назад. Именно тогда Явдат познакомился с Рашковским, и именно тогда тот принял решение использовать опыт бывшего спецназовца. Валентин Давидович не доверял никому. В своей жизни он руководствовался принципом отца, однажды заметившего, что нет предела падению человека, как нет предела злу. Любой человек, учил его отец, может оказаться предателем, все зависит от обстоятельств и цены, которую ему готовы заплатить. Но Явдат был одним из тех, кому Рашковский доверял. Если даже не абсолютно, то в огромной мере. Он доверял ему больше всех на свете, за исключением Кудлина, с которым был знаком уже два десятка лет.

– Повезешь Анну в аэропорт, – приказал Рашковский начальнику охраны.

Тот молча кивнул. Он вообще не любил много говорить. Его скуластое лицо с большими черными глазами, упрямым подбородком, короткими темными усами, уже начинавшими седесть, в обрамлении длинных волос, спадающих на плечи, в Европе и Америке, где часто бывал Рашковский, производило неотразимое впечатление.

– Потом приедете за мной, – напомнил Валентин Давидович, – сам посади ее в самолет. Пройдете через депутатский зал, скажи, что там есть заявка на Анну Рашковскую.

Явдат еще раз кивнул. Все было ясно. Валентин Давидович невольно поморщился. Черт бы побрал эту привереду, бывшего личного секретаря, теперь вот ему приходится самому заниматься всеми мелочами. Нужно сказать Кудлину, чтобы постарался найти нормального человека, которому можно доверять.

Чемоданы были уже погружены в автомобили. Десять охранников расселись в три машины. Первой обычно шла «БМВ», где, кроме водителя, находилось еще трое охранников. Вторым следовал бронированный «Мерседес», в котором сидели личный водитель и сам Явдат. И наконец шел джип с еще четверкой охранников. Все отработано до мелочей. Анна на прощание поцеловала отца в щеку и помахала ему рукой, усаживаясь в «Мерседес». Машины мягко отъехали от дома. Рашковский задумчиво смотрел вслед, когда раздался телефонный звонок. Он прошел в каминный зал, находившийся на первом этаже, и снял трубку.

– Доброе утро, – услышал он голос Кудлина, – как дела? Анна уехала?

– Только что. Ты сказал, чтобы подготовили мой самолет?

– Все готово. Его перегонят во Внуково, оттуда ты сможешь улететь в Лондон.

– Спасибо. Я просмотрю документы, которые ты мне вчера прислал.

– Когда ты приедешь на работу?

– Через полтора-два часа. Я отправил Явдата с машинами провожать Анну. Как только они вернутся, я сразу и приеду.

– Ты успеешь просмотреть все документы? – встревожился Кудлин.

– Из-за этого я не поехал провожать свою дочь, – мрачно напомнил Рашковский, заканчивая разговор.

Он поднялся на второй этаж, в свой кабинет. Его трехэтажная дача больше напоминала небольшой дворец, чем загородный дом. И не потому, что в доме были выставлены произведения искусства или антиквариат. Рашковский не любил изысков и предпочитал современную мебель в стиле технополиса. Все было достаточно скромно, хотя стильно и качественно.

Однако сам дом был не просто дорого обставлен по последней моде, требовавшей минимализма. Он был напичкан самой современной аппаратурой слежения и контроля. Дублирующие системы подачи энергии и воды, электронная аппаратура самого разного назначения, дат-

чки на пуленепробиваемых окнах, кольцо охраны в инфракрасных лучах. Если сам дом стоил его хозяину около двух миллионов долларов, то установленное оборудование стоило вдвое больше. Рядом с домом находились большой бассейн, сауна, тренажерный зал, гараж, подсобные помещения.

Рашковский просматривал бумаги, постоянно поглядывая на часы. Через полчаса автомобили должны были прибыть в аэропорт. Резко зазвонил мобильник, лежавший на столе. Он посмотрел на телефон, который высвечивал номер абонента. Номер был ему незнаком. И вообще, по этому телефону к нему звонили только самые близкие знакомые.

– Слушаю, – коротко бросил он.

– Валентин Давидович, – услышал он сбивающийся тревожный голос, – на нас напали.

Они подожгли машину.

– На кого напали? Кто напал?! – крикнул он, ничего не понимая.

– Это Эдик говорит, водитель «БМВ». Они на нас напали на повороте. Когда мы поворачивали на трассу. Здесь все горит...

– Что с девочкой? – закричал Рашковский, впервые в жизни теряя самообладание.

– Не знаю. Кажется, она убита...

Рашковский покачнулся. В глазах помутилось. Он подбежал к сейфу, доставая пистолет. Его именной пистолет, зарегистрированный в милиции.

– Быстро! – заорал он, спускаясь вниз. – Все машины, всех людей со мной. Позвоните Фомичеву, пусть высылает всех людей на трассу. Всех, кто у него есть. И быстрее!

От звуков его голоса содрогнулись все, кто был на даче. Кроме охранников, приехавших за ним, штат obsługi составлял десять-пятнадцать человек. Все бросились к оставшимся автомобилям. Рашковский достал свой телефон и, пока машины выезжали из гаража, набрал номер Кудлина.

– Леонид, всех наших людей ко мне на дачу, – приказал он дрожащим от ярости и боли голосом.

– Что случилось? – удивился Кудлин.

– Они убили мою девочку. Мою девочку... – Рашковский поднял аппарат и вдруг с силой швырнул его в дерево, трубка разлетелась на куски.

– Быстрее! – крикнул он водителю, впрыгивая в машину.

Кроме трех уехавших автомобилей, в его гараже стояли «Вольво», «Ауди» и еще один «Мерседес». Все три авто выезжали на полной скорости. Один из охранников успел достать ручной пульт управления, открывая автоматическую дверь.

– Валентин Давидович, там может быть засада, – предостерег сидевший рядом с водителем заместитель Явдата.

– Плевать! – рявкнул Рашковский. – Дай свой телефон.

Он схватил аппарат и набрал номер Явдата. Телефон не отвечал. Один звонок, второй, третий, четвертый. Нет, не отвечает.

– Быстрее, быстрее! – крикнул Рашковский.

Машины неслись на невероятной скорости. Рашковский закрыл глаза, чувствуя, как нестерпимо болит голова. Только не это, шептал он, все еще пытаясь не верить в самое страшное. Только не это. Он вдруг понял, чего именно боялся все эти годы. Именно этого. Удара из-за угла, против которого бессильны все его деньги, все его влияние, все его связи. Боялся... и не мог заставить себя поверить в случившееся.

Будь он верующий, он бы молился. Но его трезвому, прагматичному сознанию была чужда вера. Да и не умел он молиться, даже не зная, чем католические догмы отличаются от православных. Но вместе с отчаянием, которое росло в нем с каждой минутой, кто-то другой, посторонний, холодный и наблюдательный, советовал подождать. Подождать и выяснить, что именно там случилось. Кто посмел напасть на его автомобили? Все сотрудники милиции на

трассе знали его кортеж. И как могло получиться, что отказал бронированный «Мерседес», если в него стреляли? Или засада была организована с применением других средств?

Впереди виднелись клубы дыма. Он нахмурился, вытягивая шею. Неужели все погибли, в который раз подумал он. Машины все еще неслись на предельной скорости.

– Нам подъезжать ближе? – спросил водитель, оглядываясь на него.

– Конечно, – к этому времени он уже не кричал, пытаясь примириться с болью, которая терзала его сердце. От волнения он открывал рот, задыхаясь и чувствуя, как ему не хватает воздуха.

Машины подъезжали все ближе. Его бронированный «Мерседес» горел, опрокинутый на бок. Рядом стоял горящий джип. «БМВ» нигде не было видно. Рашковский выскочил из автомобиля. За ним поспешили другие. Вокруг машин валялись трупы его людей. Он бежал к «Мерседесу», закусив губу до крови. Заглянул внутрь автомобиля. Внутри лежал убитый человек. Он дотронулся до тела. Переворачивая его на спину, он увидел, что это мужчина. Рашковский почувствовал, что у него руки стали липкими. Кровь, ошеломленно понял он, разглядывая убитого. Это был его водитель. Девочки нигде не было. Он оглянулся.

– Где моя девочка? – тяжело дыша, спросил он. – Куда делся Явдат?

– Он здесь, – закричал кто-то из его телохранителей. Рашковский бросился туда, где нашли тяжело раненного Явдата. Тот лежал на земле, с трудом разжимая запекшиеся от крови губы.

– Извините... меня... – сумел прошептать он.

– Где она? – наклонился к нему Рашковский. – Где она?

– Она... – Он пытался еще что-то сказать, но успел только прошептать: – Извините... – и умер.

Рашковский поднялся. Со всех сторон к нему спешили люди. Подъезжали машины «Скорой помощи», милиции. Бежали его телохранители. Валентин Давидович подошел к своему «Ауди» и сел, не закрывая дверцы.

– Найдите ее, – устало приказал он своим людям, – найдите... где она... лежит, – и схватился за сердце. Первый раз в жизни у него заболело сердце.

– Вам дать валидол? – испуганно спросил кто-то из охранников.

– Найдите ее, – повторил Рашковский.

Телохранители бросились врассыпную. Он сидел, опустив голову, в ожидании страшного известия. Через несколько минут подъехали машины с Фомичевым и Кудлиным. Первый поспешил к людям, осматривающим горевшие автомобили. Кудлин побежал к Рашковскому.

– Что случилось, – закричал он, – ты был в автомобиле?

– Лучше бы я был в автомобиле, – прошептал Рашковский. В этот момент к ним подскокил кто-то из телохранителей.

– Она жива, – тяжело дыша, доложил подбежавший, – ее повезли в больницу.

– Ты слышишь? – крикнул Кудлин. – Она жива.

– Позвоните и узнайте, что с ней случилось, – приказал Валентин Давидович, вылезая из авто.

Кудлин кивнул, подзывая к себе одного из приехавших сотрудников. Нужно было уточнить все мобильные телефоны оставшихся в живых телохранителей. Начали проверять убитых.

К Рашковскому подтащили раненого телохранителя, который сидел в джипе. Парень получил ранение в ногу, но остался жив. Его держали двое из приехавших.

– Что здесь случилось? – спросил Рашковский.

– Они ждали нас на повороте, – пробормотал раненый, – сразу начали стрелять из гранатометов. Потом добивали из автоматов. Явдат успел уложить двоих, но в него попали. Он не подпускал их к «Мерседесу». Потом мы начали стрелять, и они отошли к лесу. У них было несколько автомобилей. Кажется, там была и вишневая «девятка»...

– Они уже в больнице, – перебил его Кудлин, успевший уточнить, что с Аней. – Она еще жива, но без сознания.

– Едем в больницу, – приказал Рашковский, – заберем раненого. Никаких сообщений в прессу или в милицию. Это строго.

– Приехала милиция, – показал на подъехавшие автомобили Кудлин.

– Пусть занимаются убитыми, – зло бросил Рашковский, – ты меня понял? Я не повторяю дважды. Никакой милиции. Мы сами должны найти мерзавцев. Только сами, – схватил он Кудлина за руку, – ты меня понимаешь?

– Живой, – закричал кто-то, – он еще живой.

Рашковский и Кудлин бросились за горящий «Мерседес». В стороне от дороги лежал тяжелораненый из нападавших, он еще был жив, хотя получил две дырки в живот. Два телохранителя Рашковского стояли над ним.

– Кто? – бросился к тяжелораненому Рашковский. – Кто вам приказал? Скажи мне, – он почти умолял умирающего, – скажи мне кто, и я тебя спасу. Скажи только, кто?

– Он уже умер, – осторожно заметил Кудлин.

– Сволочь, – Рашковский вскочил и в сердцах пнул ногой тело. – Сволочь, сволочь, – повторял он, нанося удар за ударом. Телохранители стояли рядом, пораженные силой его ярости.

– Уйдем, уйдем отсюда, – схватил его Кудлин, почти силой отрывая от убитого.

– Найди их, – сказал Рашковский, – найди, кто это организовал. Я поеду в больницу. А ты оставайся здесь. И Фомичев пусть останется и разбирается во всем. Мне нужны конкретные факты – кто виноват и зачем они это сделали?

– Может быть, не нужно тебе в больницу? – спросил Кудлин. – По дороге может быть еще одна засада.

– Там моя дочь! – закричал Рашковский. Махнул рукой и побежал к автомобилю.

Через несколько секунд две машины рванули с места в сторону города. Кудлин позвонил в центральный офис, приказал собрать всех вооруженных охранников и отправить их в больницу. Уже через двадцать пять минут Рашковский был в больнице.

Врачи не могли сообщить ничего утешительного. Девочка серьезно пострадала. У нее было сотрясение мозга, перелом нескольких ребер, внутренние кровоизлияния. К счастью, все ранения были получены в тот момент, когда автомобиль перевернулся. Ни один из нападавших не попал в девочку. Явдат вытащил ее из машины и сумел защитить. Врачи поместили ее в реанимацию и не стали скрывать от отца всю опасность положения. Шансы на выживание были, но необходимо было чудо. Рашковский, выслушав слова врача, стиснул зубы. Он больше не позволял себе расслабляться. Именно теперь он стал тем «верховным судьей», чье имя с уважением и страхом произносили по всей бывшей огромной стране. Рашковский дослушал сообщение врача, молча кивнул и, не сказав больше ни слова, не задав ни одного вопроса, вышел в коридор, глядя на всех каким-то отрешенным взглядом. К этому времени в больницу примчался Кудлин.

Он нашел Рашковского у окна. Знавший его столько лет Кудлин в испуге взглянул на незнакомое серое лицо патрона. Тот даже не повернул головы.

– Ты мне их найдешь, – убежденно сказал Валентин Давидович глухим голосом, не терпящим возражений, – ты найдешь мне их всех. Всех до единого. Никто не должен остаться в живых. Ни один из этих негодяев. А тех, кто планировал эту операцию, я убью сам. И если моя девочка не выживет... – Он замолчал, не закончив фразы. – Ты мне их найдешь, – снова повторил он.

Кудлин коротко кивнул. Он понял, что с этой минуты в городе объявлена война.

Глава 8

Весть о неудачном покушении распространилась по всему городу, по всей стране. Рашковского знали не только в России, но и в странах СНГ. Все понимали, что подобное покушение могло быть спланировано и осуществлено только чрезвычайно осведомленными и хорошо подготовленными людьми. Из десяти человек Рашковского, выехавших на трех автомобилях, в живых остались только трое, из которых двое были ранены. Очевидно, что дочь, которая все еще находилась в реанимации, сама того не подозревая, спасла жизнь отцу. Нападавшие, ждавшие в засаде, были убеждены, что в «Мерседесе» находится Валентин Давидович.

Рассказывали, что начальник личной охраны Рашковского, уже получивший многочисленные ранения, отстреливался до последнего патрона, продолжая кричать нападавшим: «Его здесь нет! Его нет в машине!» – очевидно, он хотел спасти девочку, которую неминуемо бы добились боевики. Правда, и их операция не имела особого успеха. Телохранители Рашковского, бывшие офицеры МВД и КГБ, были неплохо подготовлены. Именно поэтому нападавшие, оставив три трупа на месте стычки, ретировались.

Тела убитых были отправлены в ФСБ, и контрразведчики пытались идентифицировать нападавших. Следователь прокуратуры, которому поручили провести расследование столь дерзкого нападения, получил твердое заверение Кудлина, что ему будет оказана любая необходимая помощь. Все силы были задействованы на поиски организаторов нападения.

Покушение комментировали все информационные каналы, все газеты и журналы, отмечая, что столь дерзкого нападения в городе еще не было. Решиться напасть на такое количество вооруженных людей, да еще на такого крупного бизнесмена, могли очень крепкие структуры. В дело вмешался сам президент. По его поручению было начато расследование.

Свое собственное расследование начал и генерал Фомичев, задействовав все свои связи. Уголовные авторитеты по всему городу получили категорическое указание сообщать любую информацию о покушении. Для расследования нападения Фомичев привлек бывших следователей по особо важным делам прокуратуры, создал специальную «следственную» группу, в которую включили и несколько отставных офицеров КГБ. Все данные стекались в штаб, которым руководил лично генерал.

Чернышева узнала о покушении из сообщений информационной программы. Встревожившись, она сразу набрала номер для связи, попросив о встрече. Через несколько часов она подъехала к одному из высотных домов в центре города. На одиннадцатом этаже находилась ее явочная квартира. Пока связного не было, она трижды встречалась на этой квартире с Игорем Николаевичем, который мог появляться здесь не чаще одного раза в две-три недели. И то лишь в исключительных случаях. Сегодня был такой именно случай, и дверь открыл сам генерал, хмуро кивнувший ей в знак приветствия.

– Вы слышали, что случилось? – спросила она, проходя в комнату.

– Наши эксперты уже работают над раскрытием этого покушения, – сообщил генерал, усаживаясь за стол напротив Чернышевой. – Все получилось слишком неожиданно. Но, с другой стороны, эта акция только подтверждает наши наблюдения о причастности Рашковского к верхушке криминального мира. Такое нападение могли позволить себе только очень влиятельные люди. Очевидно, Рашковский кого-то раздражает. Или появился новый претендент на его место.

– Я уже два месяца жду возможности выйти на него, – напомнила Чернышева, – два месяца хожу на работу в научно-исследовательский институт, живу в чужой квартире, стараюсь соблюдать все детали вашей легенды. И теперь выясняется, что все могло кончиться в одно мгновение. Достаточно одной пули опытного снайпера...

– Думаю, все не так просто, – возразил Игорь Николаевич, – он теперь будет вдвойне осторожен. Он и так не очень любил появляться на публике, а сейчас вообще прекратит всякие контакты. Я думаю, что вариант со знакомством при открытии отделения его банка полностью отпадает. Он туда просто не придет. Нужно продумать что-то другое. Наши эксперты уже работают над этим. Завтра у вас будет очень важная встреча, – сообщил генерал, – может быть, самая важная перед встречей с Рашковским.

– Я вас не поняла, – сказала Марина, – о какой встрече вы говорите?

– Вы его знаете, – сказал генерал, – он иностранец, но вы его должны помнить. Наши психологи рекомендовали, чтобы с вами постоянно работал один человек, который может давать конкретные психологические установки. Дело в том, что нам важно не просто устроить ваше знакомство с Рашковским, нам нужна ваша психологическая совместимость. Психологи считают, что иначе он не будет вам доверять.

– Кто этот человек? – спросила Марина. – Вы доверяете подобные секреты иностранцам?

– Он уже много лет живет в России. Переехал сюда после восьмидесяти девятого года. Вы все поймете, – сказал генерал, – увидите его завтра и все поймете. Он работает на ваше ведомство. Мы посчитали, что так будет лучше. А мое появление здесь слишком часто может вызвать ненужные вопросы.

На следующий день вечером она приехала еще раз. Машину приходилось оставлять довольно далеко от здания, и это было не совсем удобно. Поднявшись наверх, она позвонила в дверь. Ей было любопытно, что за иностранец встретит ее и почему генерал сказал, что это самая важная встреча в ее подготовке к работе.

Дверь открылась. На пороге стоял невысокий пожилой мужчина с абсолютно голым черепом. Глубоко посаженные цепкие глаза внимательно взглянули на Чернышеву. Где она могла видеть эти глаза?

– Добрый вечер, – немного растерянно сказала она. В условия ее подготовки входила абсолютная конспирация. А этот незнакомец находился в засекреченной квартире. Или это ее будущий связной?

– Добрый вечер, Марина, – сказал, четко выговаривая слова, незнакомец с чуть заметным акцентом – так обычно говорят прибалты, – вы не узнали меня?

Она нерешительно вошла в квартиру. С этим человеком она, кажется, встречалась. Встречалась...

– Альфред Циннер, – изумленно протянула она, – вы были главным психологом немецкой «Штази». Мы встречались с вами в девяностом году. Операция – «Наступление на секретарш».

– Узнали, – усмехнулся Циннер, закрывая дверь, – я уж боялся, что очень сильно изменился за эти годы.

В девяностом она была послана в Германию проверить агентов, специально подобранных восточногерманской разведкой для внедрения в структуры ФРГ. Тогда уже было ясно, что объединение двух Германий остановить невозможно. Нужно было уточнить, кто из оставшихся агентов «Штази» может начать работать уже на Россию. Сама операция – «Наступление на секретарш» – планировалась еще легендарным Маркусом Вольфом в конце семидесятых годов. Подбирали молодых мужчин, готовых ухаживать за стареющими одинокими дамами бальзаковского возраста, работающими в федеральных органах, через которые можно было бы выуживать оборонные секреты Западной Германии.

Циннер был одним из разработчиков плана. Он отличался глубоким знанием психологии, что, увы, компенсировалось его крайним цинизмом. Марина помнила, как они встречались девять лет назад. И вот теперь, спустя столько лет, состоялась их новая встреча.

– Вы по-прежнему в Москве? – спросила она, проходя в гостиную, выходящую окнами на площадь.

– Я уже давно в Москве, – признался Циннер, – я никуда не уезжал отсюда – никогда. Маркус Вольф вернулся в Германию, где его сначала посадили в тюрьму, потом отдали под суд. Но нужно было знать этого человека. Он никому и ничего не рассказал. Его вынуждены были отпустить. А я оказался не столь смелым. В сентябре начались разные потрясения в КГБ, но меня оставили в Службе внешней разведки. И с тех пор я работаю в вашем ведомстве.

– Столько лет, – удивилась она, – я даже не думала, что вы остались в Москве, тем более в нашем ведомстве.

– Уже пять лет, как я российский гражданин, – сообщил Циннер, – работаю с вашими психологами, возглавляю группу сотрудников, которые занимаются проблемами устойчивости психологии ваших агентов. В основном нелегалов. Но, учитывая мой опыт, меня попросили поработать с вами. У нас уже были деловые контакты, вот меня и рекомендовали стать вашим личным психологом.

Она была не в восторге от его предложения. Марина помнила его абсолютный цинизм и довольно жесткие рекомендации по работе в Германии. С другой стороны, за столько лет он мог измениться... Хотя странно, что он не особенно постарел, подумала она. За столько лет он почти не изменился, лишь немного высох.

– Я в курсе ваших проблем, – продолжал Циннер, – уже две недели я знакомился с личным досье Рашковского. Нужно сказать, исключительно интересный тип. Абсолютный цинизм в сочетании с умом – опасные ингредиенты. Плюс неограниченные возможности. Деньги, власть, личное обаяние. Судя по всему, у него должны были сформироваться садомазохистские комплексы. Но это я могу сказать, лишь когда вы познакомитесь с ним поближе.

– И вы знаете, как мне можно с ним познакомиться?

– Мы уже продумали эту проблему, – сообщил Циннер.

Он наконец сел напротив нее. Циннер не любил галстуков – и под костюмы носил сорочки, застегивая все пуговицы, до самой верхней.

– Вы слышали, что на него было организовано покушение? – спросил Циннер.

– Конечно, слышала. Именно поэтому я думаю, что он приедет на открытие филиала своего банка.

– Обязательно приедет, – пробормотал Циннер, – нужно знать его характер. Он любит бросать вызов и никогда не отступает. Поэтому приедет и откроет. Но там вы с ним не сумеете познакомиться. Он будет на церемонии только несколько минут. Лучше первую встречу устроить в больнице.

– В какой больнице? – не поняла Чернышева.

– Где лежит его дочь, – цинично ответил Циннер. – Нужно учитывать его психофизическое состояние. Он сейчас подавлен, расстроен, взбешен. Мы наметили провести вашу встречу именно в больнице.

– В каком качестве я могу появиться в больнице? – спросила она. – Самой попасть в больничную палату? Вы же знаете, что девочка наверняка лежит в отдельной палате. И к ней никого из посторонних не пустят.

– Знаю, – кивнул Циннер, – мы сделаем по-другому. Психологи уже работают над этой проблемой.

– Я не поеду в больницу, – нервно сказала Марина. – Это не имеет названия. Использовать ранение дочери... – Она помолчала, а Циннер терпеливо смотрел на нее. – Как я могу туда пойти? – спросила она наконец, когда молчание слишком затянулось.

– Мы все предусмотрели, – сообщил Циннер, – вы придете в реанимацию навестить своего старого знакомого. Мы уже все подготовили. В больнице две реанимационные палаты, находятся друг против друга. Между ними сидят медсестра, обычно дежурящая ночью, и врач, появляющийся днем. Во второй палате сейчас лежит адмирал с Дальнего Востока. У него

обширный инфаркт. Если мы его куда-нибудь уберем, это может вызвать подозрение. Поэтому мы сейчас работаем с адмиралом, чтобы он согласился нам немного подыграть.

– Каким образом? Рассказываете ему о нашей операции?

– Нет, конечно. Но мы попытаемся его убедить, чтобы он согласился на ваш визит. Адмирал человек военный, раньше командовал атомной подводной лодкой, потом был заместителем командующего – в общем, знает, как хранить секреты. Мы представим его как старого друга вашего отца-дипломата. Отец у вас действительно был дипломатом, а адмирал мог познакомиться с ним, когда служил на вашем Балтийском флоте. Сейчас наши эксперты продумывают детали легенды. В общем, завтра все будет обговорено, и вы сможете навестить адмирала.

Она умела просчитывать варианты. Именно поэтому план с адмиралом показался ей приемлемым.

– Он давно там лежит?

– Уже два месяца, – ответил Циннер, – он попал туда задолго до девочки. Это самое главное и снимает всякие подозрения. Мы же не могли заранее положить человека в больницу с обширным инфарктом, зная наверняка, что в реанимационную палату напротив попадет дочь Рашковского. Он не знает, что ваша цель именно Рашковский. Мы сообщили ему, что следим за одним из врачей, которого подозреваем в продаже морфия. Короче, я думаю, что нам повезло. Вместо адмирала мог оказаться какой-нибудь бизнесмен, с которым было бы невозможно договориться.

– Надеюсь, что у него не ревнивая супруга, – без улыбки сказала Марина.

– Он вдовец, – сухо сообщил Циннер, – но у него есть дочь и сын. Встретаться с ними вам совсем не обязательно. Мы сделаем так, чтобы их не было в больнице в момент вашего посещения. Вас что-то смущает?

– В этом есть нечто безнравственное, – призналась Чернышева, – используем больного старика, несчастную девочку...

Циннер удивленно посмотрел на нее.

– Вы полковник разведки, – сказал он недоуменно, – как по-русски называют таких женщин? Кажется, «кисейная барышня»? Я стал читать книги русских классиков девятнадцатого века, чтобы понять русский характер.

– Поняли?

– Не совсем. Европейцу трудно понять ваш характер, у нас другой менталитет.

– Не знаю, как насчет вашего менталитета, но подобная операция глубоко безнравственна, – в тон ему ответила Чернышева. – Мне нужно предварительно появиться там, чтобы познакомиться с адмиралом.

– Обязательно. Нужно поехать завтра, чтобы вас увидели люди, охраняющие девочку. Там установлен пост милиции, но это чисто формально. Один сержант. А кроме него, еще три телохранителя Рашковского, имеющие разрешение на ношение оружия. Они сменяются каждые двенадцать часов. Нужно, чтобы они вас видели. А через два-три дня мы организуем вам встречу с Рашковским в больнице. Вы получите все нужные инструкции. Сюда переедет связной. Сейчас его готовят наши специалисты. Ему шестьдесят пять лет. Он будет жить в этой квартире. По легенде, он двоюродный брат вашей матери. Его зовут Степан Кириллович. Он бывший сотрудник уголовного розыска, полковник милиции. С удовольствием взялся нам помочь. Он сейчас на пенсии и готов приносить пользу хотя бы таким образом. Я его понимаю. Психологи искали подходящего человека целых два месяца. Я уже с ним говорил. По легенде, мы будем с ним друзьями, у меня легенда переехавшего из Казахстана немца, который поселился в Москве.

Мы разработаем сценарий вашей встречи с учетом рекомендаций психологов и психоаналитиков. Нужно все просчитать до мелочей, до секунды. Чтобы ваша встреча выглядела, с одной стороны, случайной, а с другой – он должен обратить на вас внимание. Нужен жест,

который бы его сразу привлек. Нечто эффектное, бьющее в глаза, чтобы сразу его заинтересовать. Мы сейчас работаем над этой проблемой...

– Я знаю, что нужно, – сразу сказала Марина, – нужно, чтобы он мгновенно заинтересовался. Я возьму книгу Хемингуэя на английском языке. Это его любимый писатель.

– Интересное решение, – пробормотал Циннер, – очень интересное. С одной стороны, вы сразу заявите о своем интеллекте, с другой – обратите внимание на ваше знание английского. Прекрасная идея. Почему вы назвали именно эту книгу?

– Ему нравится этот писатель.

– Нет, – возразил Циннер, – не поэтому. Вы не могли сразу придумать. У вас должен был в сознании зафиксироваться какой-нибудь толчок.

– У меня был толчок, – кивнула она, – и поэтому я предложила книгу. Как видите, я иногда помню про свою профессию, – саркастически заметила Чернышева.

Циннер усмехнулся:

– Никогда в этом не сомневался. Вы были одним из лучших сотрудников разведки – женщин, с которыми я встречался. У вас мужской ум.

– Это не комплимент, – засмеялась она, поднимаясь.

– Это констатация факта, – без тени улыбки заметил Циннер, – у вас женская интуиция в сочетании с мужским умом. На миллион женщин иногда встречаются такие. Маргарет Тэтчер обладала исключительным мужским умом и абсолютной женской интуицией. Она была бы фантастическим агентом разведки. Кстати, английскую разведку несколько лет возглавляла Стелла Римингтон. Я изучал ее психотип, вы очень похожи.

– Договорились, – сказала она на прощание, – я попрошу, чтобы меня сделали руководителем Службы внешней разведки. До свидания. Когда мне приехать сюда для знакомства с моим «дядей»?

– Завтра, – ответил Циннер, – после работы поедете в больницу, а потом приедете сюда познакомиться с ним. Вы все поняли?

– До свидания, – кивнула она, – не могу сказать, что я в восторге от нашей совместной работы.

– Не сомневался, что вы так скажете, – заметил Циннер, по-прежнему ни разу не улыбнувшись.

На следующий день Марина поехала в больницу. Адмирал оказался высоким грузным красавцем. Несмотря на инфаркт, он был чрезвычайно доволен столь интригующей детективной историей. Ему понравилась и Марина, с которой он с удовольствием беседовал, радуясь новому лицу. Пожилой адмирал оказался к тому же донжуаном и даже пытался подняться, чтобы проводить свою гостью.

Из больницы она поехала на конспиративную квартиру, чтобы познакомиться со связным. Сотрудники лаборатории МВД подготовили фотографии, на которых была запечатлена Марина в раннем детстве, в школьные годы, были фотографии родни. В некоторые снимки был вмонтирован Степан Кириллович. В течение нескольких дней его готовила группа психологов – рассказывали о детстве Марины, ее вкусах и пристрастиях, детских шалостях. Несмотря на преклонный возраст, он обладал цепкой памятью и отменным здоровьем. Степан Кириллович успешно входил в легенду. Импонировала ему и такая деталь – он бывший рыбак с Дальнего Востока.

Степан Кириллович действительно в молодости работал на рыболовном судне, после чего ушел работать в милицию, где прослужил больше четверти века. Однако работу рыбаков он знал, проведя несколько лет на Сахалине, после чего работал соответственно в Томске и Новосибирске. Именно оттуда его и привезли в Москву, решив поселить в заранее приготовленной квартире.

Квартира была оформлена на племянника Степана Кирилловича, якобы уехавшего по службе в торговое представительство в одну из африканских стран. Легенда продумывалась в мельчайших подробностях – провал исключался.

Все шло по плану, если бы не одно обстоятельство. Два дня она выходила по утрам из дома и видела Андрея, стоявшего у ее подъезда. Она проходила до стоянки, чтобы взять свою машину, а он сопровождал ее, следуя на расстоянии нескольких десятков метров. И только когда она садилась в авто, он отставал и лишь взглядом провожал ее машину. Ну и рыцарь, качала она головой.

Обязанность ежедневно ходить на работу в научно-исследовательский институт ее не угнетала. Наоборот, ей нравилась атмосфера этого учреждения, где было так много толковых молодых людей. Конечно, ей приходилось прилагать определенные усилия, чтобы поближе сойтись с коллегами, стать своей среди сотрудников.

В пятницу наконец должна состояться встреча с Рашковским. Накануне вечером она поехала к Циннеру.

Степан Кириллович, открыв дверь, ушел в дальнюю комнату, предварительно включив радио. Он уже знал, что разговоры Циннера с его «племянницей» должны проходить без свидетелей. Циннер ждал ее в гостиной, оборудованной скремблерами, исключающими возможность прослушивания.

– Завтра он будет в больнице, – сообщил Циннер, – нам удалось узнать, что завтра состоится консилиум врачей и он хочет застать профессора, чтобы узнать его мнение.

– Когда мне нужно быть в больнице?

– В двенадцать. Он может приехать чуть раньше или чуть позже. Когда он появится у больницы, вам позвонят. Книгу вы не забыли?

– Уже приготовила.

– Хорошо. Там будет одна наша сотрудница, которая заденет рукой вашу книгу, и она упадет точно к его ногам. Сумеете так сделать?

– Постараюсь.

– Что вы завтра наденете?

– Это тоже имеет значение?

– Безусловно. Обувь только на высоких каблуках. Никакой мягкой обуви, только супермодные шпильки. Это и достаточно сексуально, и при вашем не маленьком росте вы будете казаться еще выше. Колготки только телесного цвета. Черные колготки на фоне белого халата могут вызвать у него раздражение.

– Вы уверены?

– Черные колготки в сочетании с книгой делают ваш образ несколько старомодным, упрощают его. Да и не подчеркивают красоту ваших ног. Белый халат и высокий каблук – сочетание экстравагантное.

– Хорошо, я появлюсь в колготках телесного цвета, – согласилась Марина.

– Теперь платье, – продолжал Циннер.

– Неужели вы будете рекомендовать мне, какое белье я должна носить? – позволила себе иронию Марина. Ситуация ее несколько забавляла.

– Если бы я был уверен, что он увидит ваше белье, я бы дал вам рекомендации и по этому поводу. – И Циннер невозмутимо продолжал: – Юбка должна быть чуть ниже колен. У вас красивые ноги, но никакой вульгарности. Чуть ниже колен, и белый халат расстегнут. Желательно, чтобы вы надели деловой костюм. Пиджак, юбка. Только не черный цвет. Яркие контрасты могут нарушить симметрию. И конечно, не красный. Это вульгарно. Желательно цвета нейтральные, но не очень светлые – желтый, голубой, лимонный тоже исключены. Можно светло-коричневый, бежевый, темно-синий, но не очень темный. Вы меня поняли?

– Да. Вы не пробовали работать дизайнером?

– Теперь о прическе. – Циннер не понимал шуток и не любил их. – Никаких наворотов, так, кажется, говорят по-русски. Никаких сверхмодных причесок. Вы идете не на концерт. Вы идете в больницу. Стильное каре, четкость линий. Минимум косметики, но губы нужно выделить, глаза можно немного увеличить. Чуть-чуть, не сильно. Все очень аккуратно. Никакой пудры. Можете оттенить свои скулы.

– Спасибо за рекомендации, – усмехнулась Марина, – я не думала, что у вас такие познания в косметике.

– Я, представьте, давал рекомендации нашим агентам, как себя вести в постели, – невозмутимо сообщил Циннер. – Если понадобится, буду давать советы и вам.

Она покраснела. Невозмутим и циничен. Он не изменился.

– Теперь о запахе, – сказал он. – Психологи считают, что на человека действует запах особи противоположного пола. Химикам удалось выделить особое вещество, по которому все живые существа противоположного пола находят друг друга. Это феромон. Феромон выделяют подмышечные впадины и половые органы.

– Послушайте, – возмутилась она, – вам не кажется, что вы несколько увлеклись порученным вам делом? Ваши рекомендации переходят всякие границы приличия.

– Каждый человек имеет свой специфический запах, – продолжал Циннер ровным голосом, словно не замечая ее реплики. – Существует несколько десятков феромонов, которые выделяет каждое живое существо. При этом запах феромонов зависит и от состояния человека в каждую конкретную минуту – радуется, злится, огорчается или плачет человек, все это сказывается на его запахе.

– Зачем вы мне все это рассказываете?

– У вас должно быть состояние легкости, состояние некоторой наступательной эйфории. Выпейте бокал красного вина или два бокала. Можно рюмку хорошего коньяка. Вы курите?

– Нет.

– Очень хорошо. Запах сигарет искажает запах женского тела. Излишне говорить, что завтра утром вы должны принять душ...

Она уже привыкла, что он говорит невероятные вещи самым прозаическим тоном, и уже не реагировала.

– Дезодорант должен быть легким, желательно с запахами легких цветов или фруктовыми ароматами. Чуть-чуть, чтобы исключить запах пота. Духи должны быть не приторно-сладкой гаммы, можно что-нибудь из новых ароматов, но не «Дюна», она приелась. «Пуазон» тоже не подходит – старые запахи могут указать на возраст, а это нежелательно. Ему нравятся женщины вашего возраста, но на подсознательном уровне он может зафиксировать уже приевшийся аромат. В выборе ароматов я вполне полагаюсь на ваш вкус, но учтите, что ничего цветочного. Резкий, стильный запах. Можно даже бисексуальный аромат, одинаково интересный для мужчин и женщин. Но обязательно что-нибудь стильное. «Кельвин Кляйн», «Гуччи», в общем, вы разберетесь сами.

– Разберусь, – кивнула она.

– Теперь последнее. Когда упадет книга, не наклоняйтесь за ней сразу. Сначала оцените, что книга упала. Пусть он увидит, как вы на него смотрите. Вы женщина и всегда об этом помните, поэтому вы сначала смотрите на упавшую книгу, потом на него. Нужно дать ему понять, что книгу поднять должен именно он. Если у него крепкие нервы, не затягивайте взгляд. Одна секунда, не больше. Затем наклоняетесь, но не протягивайте руки. И тем более не сгибайте спину. Не поворачивайтесь к нему задом. Это не лучшая часть вашей фигуры. Будет хорошо, если вы чуть присядете, чтобы он видел вас со стороны.

Поднимайтесь медленно, он должен успеть вас разглядеть. Если он возьмет книгу, пусть он прочтет название и увидит автора. Если спросит по-английски, ни в коем случае не отве-

чайте на английском. Это, как у вас говорят, провинциально. Отвечайте только на русском языке.

– С немецким акцентом? – еще раз пошутила Чернышева.

– Акцент необязателен. Постарайтесь дать ему понять, что вы им заинтересовались.

– Каким образом?

– Если он поднимет книгу, улыбнитесь чуть-чуть и задержите взгляд. Если не поднимет, возьмите ее сами и тоже задержите на нем, но уже чуть недоуменный взгляд. Только не делайте вид, что он вам неинтересен. Это абсолютно глупое мнение, что нужно быть недоступной и мужчина вами заинтересуется. Это мнение пришло из книг русских писателей девятнадцатого века. Но тогда было совсем другое время. Один прием, или, как его называли, бал, в неделю или в две, когда вы знакомились с понравившейся вам девушкой, а та демонстрировала свою неприступность как главную добродетель. Соответственно вели себя и мужчины: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей». Любой ценой обратить на себя внимание, заинтриговать. Некоторые даже намеренно опаздывали в театр, чтобы обратить на себя внимание.

Но все это кануло в прошлое. Сейчас у делового мужчины нет времени на подобные премудрости. И масса женщин вокруг. Если вы на него не реагируете, он тем более не реагирует на вас. Он должен почувствовать, что вызывает у вас хотя бы минимальный интерес. Что имеет шанс на продолжение знакомства. Иначе интерес пропадает мгновенно, даже если вы ему очень понравились. Есть, конечно, мужчины-донжуаны, есть молодые ребята, которым еще нравятся подобные игры. Но заинтересовать нормального сорокалетнего мужчину можно, только дав ему понять, что он, в свою очередь, интересен вам.

– Может, мне раздеться перед ним сразу, чтобы вызвать огромный интерес? – разозлилась Марина.

– Если бы это могло помочь решить нашу задачу, я бы предложил вам раздеться, – невозмутимо изрек Циннер, – но плащ в любом случае оставьте в машине или у адмирала. И учтите, что мы начнем подготовку с того момента, как он войдет в больницу.

– Каким образом?

– Наши люди будут громко разговаривать у лифта, восхищаясь вашей элегантностью. Один скажет, что такой красивой женщины еще не встречал. Другой заметит, что вы психолог. В этот момент мимо них пройдет молодая красивая женщина, и Рашковский должен будет обратить внимание на слова врачей.

– Неужели вы все это придумали, чтобы подготовить наше знакомство? – изумилась Марина.

– Конечно, – невозмутимо согласился Циннер, – чтобы вы все поняли, я могу вам сказать – наша операция разработана совместно МВД и Службой внешней разведки. Это очень серьезно, Марина Владимировна.

– Я не сомневаюсь, – произнесла она, поднимаясь со стула, – вы так подробно меня инструктировали. Скажите, вы никогда не давали советов своей супруге?

– Нет. Я развелся двадцать пять лет назад и с тех пор жил один. Мои дети остались в Германии.

– Извините. – Она пошла к выходу. – До свидания, Степан Кириллович, – крикнула она в другую комнату.

– А я чай поставил, – вышел огорченный Степан Кириллович.

– У меня к вам еще один вопрос, – вспомнил Циннер. – Скажите, у вас не будет завтра месячных? В этом случае ваш запах изменится.

– Вы... вы... – Она хотела наругать, но вдруг рассмеялась, увидев его серьезное лицо. – Вы потрясающий психолог. Можете не беспокоиться, – сказала она, выходя из квартиры. – Ничего подобного у меня не будет.

Глава 9

С самого начала Марина считала беседу с бывшим личным секретарем Валентина Давидовича самым важным моментом в подготовке к совместной работе с Рашковским. Но разговор с ней был крайне опасен, если не невозможен. Секретарь могла оказаться не только личным секретарем, но и личным близким другом. И в таком случае все могло закончиться провалом, так как подозрительный босс и его служба безопасности сделали бы из встречи Марины Чернышевой с бывшим личным секретарем Валентина Давидовича свои выводы. Не говоря уже о том, что секретарь могла сама все рассказать Рашковскому. Итог не вызывал сомнений.

Психологи, готовившие операцию по внедрению Чернышевой в ближайшее окружение Рашковского, настаивали на осторожной проверке деятельности бывшего личного секретаря. Уволившись от Рашковского, она не вышла на свою прежнюю работу, а предпочитала сидеть дома, в одиночестве. Муж у нее был летчик-испытатель и погиб одиннадцать лет назад. Единственная дочь вышла замуж и уехала в Чехию. Женщина жила одна в трехкомнатной квартире.

Сорокачетырехлетняя Альбина Карпотина действительно внешне очень походила на Марину Чернышеву. Однако чисто внешнее сходство отнюдь не гарантировало сходства внутреннего. Если Чернышева была сгустком энергии, сжатой пружиной, готовой мгновенно и опасно распрямиться, то Карпотина напоминала ухоженную домашнюю кошку, спокойную и мягкую. Чернышева была, без сомнений, более эффективной, спортивной – сказывались многолетние физические тренировки. Знала в совершенстве три языка, а Карпотина безупречно владела только английским, но понимала немецкий. Хотя знания Карпотиной отличались большей глубиной и основательностью. Все же бывший доцент МГУ имела гораздо больше времени для занятий чистой наукой, чем полковник внешней разведки, интеллект которой имел более утилитарную направленность.

В отсутствие Карпотиной оперативники побывали у нее на квартире, зафиксировав свой визит на пленку. Квартира производила впечатление своей цельностью, большой библиотекой, подбором картин, которые выбирала и покупала сама Карпотина. Судя по вещам в ее квартире, Рашковский не скупился на своего секретаря. У нее была не только самая дорогая бытовая техника, но и свеженький евроремонт, за который хозяйка должна была заплатить не менее семидесяти тысяч долларов.

Налоги она платила с солидной зарплаты в пять тысяч долларов, но эксперты были убеждены, что сумма эта была занижена как минимум в два раза. В Москве – своеобразная норма для всех высокооплачиваемых сотрудников, когда из-за грабительских налогов, установленных законом, многие фирмы и предприятия скрывали высокие зарплаты своих сотрудников, намеренно указывая гораздо более низкие заработки. Остальные деньги сотрудники получали в конвертах, такая форма оплаты, разумеется, нигде не фиксировалась. Карпотина работала с Рашковским около трех лет, сопровождала его во всех поездках за рубеж, часто ездила одна, выполняя его поручения.

В отпуске она почти не бывала, лишь иногда позволяя себе выехать на несколько дней в Прагу, где жила семья ее дочери. Знакомые Карпотиной говорили о ней только в превосходных степенях, отмечая ее эрудицию, порядочность и пунктуальность даже в мелочах.

Но поговорить с ней самой все не удавалось. Выяснилось, что после своего увольнения и ухода от Рашковского она отказала одной крупной фирме, которая хотела пригласить ее к себе на работу. Домоседка, она предпочла подписать договор с небольшим коммерческим издательством на перевод второсортных любовных романов английских писателей.

Функции Альбины Карпотиной у Рашковского скорее можно было назвать функциями помощника, пресс-секретаря, управляющего хозяйством и даже личного адвоката своего босса, чем секретаря. В круг компетенции Альбины входили также все переговоры Раш-

ковского, связанные с деятельностью «Армады». Часто она выступала и в роли переводчика. Несмотря на все усилия, Валентин Давидович не сумел толком выучить английский, говорил с акцентом, все равно обращаясь к помощи своего секретаря.

Кроме нее, у банкира было две секретарши – высокие, красивые молодые девушки, которыми могла бы гордиться любая фирма. Они подавали чай и кофе, приносили свежие газеты, журналы, соединяли его с нужными людьми, отсекали от него назойливых посетителей.

В это утро первой встречи Чернышева поднялась раньше обычного. Приняла душ, напоследок включив почти холодную воду, долго и тщательно растиралась полотенцем. Она не хотела признаваться даже самой себе, но выполнила все рекомендации Циннера. На работу в этот день она могла не идти, заранее отпросившись у руководителя своего отдела. В девять часов ей позвонили. Незнакомый голос произнес всего три слова:

– Все в порядке.

Это означало, что она может ехать в больницу. Учитывая автомобильные пробки, которые иногда возникали в центре города, ей необходимо было прибавить лишние полчаса, чтобы не опоздать. Дорога до больницы занимала минут двадцать – двадцать пять. Но Марина решила еще заехать в косметический салон. Выйдя из дома в половине десятого, сразу же увидела во дворе Андрея.

Сегодня у нее было хорошее настроение, и она подозвала к себе парня. Он покорно подошел. «Симпатичный мальчик, открытое красивое лицо», – в который раз подумала она.

– Послушай, Андрей, – сказала она, – пойми, это уже просто неприлично. Соседи обращают внимание на твои дежурства по утрам. Тебя выгонят из университета за постоянные пропуски первых лекций. Это уже не смешно.

– Мне нравится смотреть на вас, – улыбнулся он. – И это все.

– Андрей, спасибо тебе за комплимент, но я гожусь тебе в мамы. Впрочем, я уже говорила тебе о своем сыне.

– Мы с ним подружимся, – вдруг сказал он.

– Не сомневаюсь, – кивнула она, – ты извини, я тороплюсь. И не нужно этих странных визитов. Договорились?

В его взгляде застыла мольба и... покорность. Не хватало еще, чтобы об этом узнал Циннер, неожиданно подумала она. Можно представить, какие рекомендации он даст ей, чтобы отвалить этого молодого человека.

В косметическом салоне она задержалась чуть дольше обычного и, опасаясь опоздать, поехала в обход центра города. Чувствуя, что опаздывает и очень волнуется, она купила по дороге бутылку французского коньяка и, с трудом откупорив его, сделала несколько глотков прямо из бутылки.

Убрав бутылку, она заметила, как остановившийся рядом на светофоре водитель «Волги» смотрит на нее. Покрутив пальцем у виска, он прошептал что-то вроде «ненормальная», а то и похлеще. Вот, мол, до чего доходят бабы, да еще сидя за рулем.

В половине двенадцатого Чернышева была в больнице. Телохранители, дежурившие у входа в реанимационное отделение, уже знали ее в лицо. Они пропустили Марину, ни о чем не спрашивая, но проверив ее сумку. Сержант улыбнулся. Он мог ничего не делать. За него все делали телохранители Рашковского.

Пожилой моряк уже ждал ее, сидя в кресле. Он был тщательно выбрит и одет в новый спортивный костюм. Ему явно нравились посещения Марины, и врачи считали, что она положительно влияет на пациента. Разговор затянулся, когда ей позвонили. Она взглянула на часы. Без десяти двенадцать.

– Он подъезжает к больнице, – сообщил ей все тот же бесстрастный голос.

Она взглянула на часы. Все сходилось до минуты. В приемной между реанимационными палатами появилась новая медсестра, которая о чем-то разговаривала с молодой медсестрой, дежурившей в этот день. Новая была значительно старше. Молодая медсестра, неожиданно получившая назначение именно в эту смену, не помнила пожилой коллеги, но не обнаружила этого, чтобы не обидеть женщину.

Рашковский и Кудлин вошли в больницу. Шестеро охранников сопровождали их, образуя плотную группу. Все восемь человек прошли к кабине лифта, но Рашковский, подумав немного, повернул к лестнице, и все телохранители последовали за ним.

Марине снова позвонили.

– Он изменил обычный маршрут, – сообщили ей, – выходите в приемную. Они сейчас будут.

Она взяла книгу, прощаясь с адмиралом. Вышла в приемную, где находились две медсестры и сидел один из телохранителей. Остальные двое находились в коридоре. Как и сержант милиции. Рашковский подошел к ним.

– У нас все в порядке, – доложил один из телохранителей, – консилиум кончился недавно. Врачи все ушли. Если хотите, я позову профессора.

– Нет, – возразил Рашковский, – я сам пройду к нему.

Это был самый тревожный момент в сцене знакомства. Он мог повернуться и уйти, не входя в приемную. Но Рашковский передумал.

– Посмотрю на девочку, – сказал он.

И вошел в приемную в сопровождении двух телохранителей. Марина заметила движение и повернулась в сторону двери. Но еще раньше ее опередила пожилая медсестра – она вдруг прекратила разговор и поспешила к выходу. Рашковский входил в комнату, когда медсестра сильно толкнула Марину. Книга упала на пол, точно перед ногами гостя. Медсестра протиснулась дальше.

– Извините, – сказала она.

Рашковский посмотрел сначала на книгу. Потом на женщину, из рук которой упала книга. Стоявшая перед ним женщина его поразила. Поразил ее взгляд, независимый и гордый. Она была чем-то похожа на его прежнего секретаря, но эта была интереснее. И фигура гораздо лучше. Она посмотрела на лежащую книгу, потом взглянула на него, очевидно ожидая, что он поднимет ее. Но вместо этого, ломая весь подготовленный план, за книгой наклонился один из телохранителей.

Она снова взглянула на Рашковского. В ее взгляде что-то мелькнуло, кажется, интерес. Она задержала на нем взгляд чуть дольше обычного. Телохранитель, подняв книгу, протянул ее Марине. Рашковский заметил – его любимый Хемингуэй. На английском языке. Он изумленно взглянул на стоявшую перед ним красивую женщину.

– Это ваша книга? – спросил он.

– Да, – кивнула она, поспешно беря книгу, словно ей было неприятно, что он увидел, что именно она читает.

– Вы читаете по-английски? – уточнил Рашковский.

– Я люблю Хемингуэя на любом языке, – улыбнулась она.

Рашковский чуть посторонился, и она прошла, обдавая его ароматом неизвестных ему духов. Он еще раз взглянул на женщину – она была не просто красивой, ему нравился именно такой тип лица, фигура.

– Позовите Кудлина, – приказал он одному из своих телохранителей. Тот бросился в коридор. Через секунду вошел Кудлин.

– Узнай, кто эта женщина, – поручил Рашковский, – она читает по-английски. И у нее хороший вкус. Узнай все, что можешь узнать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.